

Здравствуй уважаемый читатель!

Перед тобой практические задания по теме «Общество и его структура»

Задание 8.1.15

Прочитайте фрагмент текста и ответьте на вопросы.

1. *Как П.А. Сорокин определяет социальное пространство? Чем оно отличается от геометрического?*

2. *Какие основные параметры социального пространства выделяет П.А. Сорокин?*

3. *В чем заключается специфика горизонтальных и вертикальных параметров социального пространства?*

4. *Как П. Сорокин определяет понятие «социальная стратификация»? Какие бывают формы социальной стратификации?*

«Геометрическое и социальное пространство.»

Выражения типа «высшие и низшие классы», «Продвижение по социальной лестнице», «N. успешно продвигается по социальной лестнице», «его социальное положение очень высоко», «они очень близки по своему социальному положению», «существует большая социальная дистанция» и т. п. довольно часто используются как в повседневных суждениях, так и в экономических, политологических и социологических трудах. Все эти выражения указывают на существование того, что можно обозначить термином социальное пространство. Тем не менее имеется очень немного попыток дать определение социальному пространству, систематизировать соответствующие понятия. Насколько мне известно, после Декарта, Гоббса, Лейбница и других великих мыслителей XVII века только Ф. Ратцель, Г. Зиммель и недавно Э. Дюркгейм, Р. Парк, Э. Богардус, Л. фон Визе и автор этих строк пытались уделить большее внимание проблеме социального пространства и другим вопросам, с ней связанным.

Предметом данной работы является социальная мобильность, то есть явление перемещения индивида внутри социального пространства. В связи с этим представляется необходимым очень точно обрисовать суть того, что я

подразумеваю под социальным пространством и его производными. Во-первых, социальное пространство в корне отличается от пространства геометрического. Люди, находящиеся вблизи друг от друга в геометрическом пространстве (например, король и его слуга, хозяин и раб), в социальном пространстве отделены громадной дистанцией. И наоборот, люди, находящиеся очень далеко друг от друга в геометрическом пространстве (например, два брата или епископы, исповедующие одну религию, или же два генерала одного звания и из одной армии, один из которых в Америке, а другой - в Китае), могут быть очень близки социально.

Приведенные соображения свидетельствуют, что социальное и геометрическое пространство в корне отличны друг от друга.

Социальное пространство есть некая вселенная, состоящая из народонаселения земли. Соответственно, определить положение человека или какого-либо социального явления в социальном пространстве означает определить его (их) отношение к другим людям и другим социальным явлениям, взятым за такие «точки отсчета». Сам же выбор «точек отсчета» зависит от нас: ими могут быть отдельные люди, группы или совокупности групп.

Социальная практика выработала метод, сходный с системой координат, используемый для определения геометрического положения объекта в геометрическом пространстве. Составные части данного метода таковы:

- 1) указание отношений человека к определенным группам,
- 2) отношение этих групп друг к другу внутри популяции;
- 3) отношение данной популяции к другим популяциям, входящим в человечество.

Дабы определить социальное положение человека, необходимо знать его семейное положение, гражданство, национальность, отношение к религии, профессию, принадлежность к политическим партиям, экономический статус, его происхождение и т. д. Только так можно точно определить его социальное положение. Но и это еще не все. Поскольку внутри одной и той же группы

существуют совершенно различные позиции (например, король и рядовой гражданин внутри одного государства), то необходимо также знать положение человека в пределах каждой из основных групп населения. Когда же наконец определено положение населения как такового среди всего человечества (например, население США), тогда можно считать и социальное положение индивида определенным в достаточной степени. Перефразируя древнюю поговорку, можно сказать: «Скажи мне, к каким социальным группам ты принадлежишь, и каковы твои функции в пределах каждой из этих групп, и я скажу, каково твое социальное положение в обществе и кто ты в социальном плане».

Итак, резюмируем. 1) социальное пространство - это народонаселение Земли; 2) социальное положение - это совокупность его связей со всеми группами населения, внутри каждой из этих групп, то есть с ее членами; 3) положение человека в социальной вселенной определяется путем установления этих связей; 4) совокупность таких групп, а также совокупность положений внутри каждой из них составляют систему социальных координат, позволяющую определить социальное положение любого индивида. Отсюда следует, что люди, принадлежащие к одинаковым социальным группам и выполняющие практически идентичную функцию в пределах каждой из этих групп, находятся в одинаковом социальном положении. Те же, у кого наблюдаются некие отличия, находятся в разном социальном положении. Чем больше сходства в положении различных людей, тем ближе они друг к другу в социальном пространстве. Наоборот, чем значительнее и существеннее различия, тем больше социальная дистанция между ними.

Горизонтальные и вертикальные параметры социального пространства

Социальное пространство - многомерное, поскольку существует более трех вариантов группировки людей по социальным признакам, которые не совпадают друг с другом (группирование населения по принадлежности к государству, религии, национальности, профессии, экономическому статусу,

политическим партиям, происхождению, полу, возрасту и т. п.) Для упрощения задачи, однако, возможно сокращение числа параметров до двух основных классов, при условии разделения каждого класса на несколько подклассов. Эти два основных класса можно определить как вертикальный и горизонтальный параметр социальной вселенной.

Мы часто пользуемся такими выражениями, как «подниматься по социальной лестнице», «опуститься по социальной лестнице», «высшие и низшие классы», «быть наверху социальной пирамиды», «опуститься на дно общества», «социальные ранги и иерархии», «социальная стратификация», «дифференциация по горизонтали и вертикали» и т. д. Взаимосвязи как индивидов, так и групп могут находиться либо на одном горизонтальном уровне, либо стоять на разных ступенях иерархической лестницы. Перемещение из группы в группу может быть не связано с подъемом или спуском по социальной лестнице, но может быть и обусловлено вертикальными перемещениями. Продвижение по социальной лестнице вверх принято считать социальным восхождением, а перемещение вниз - социальным спуском. Такое обыденное знание можно с успехом использовать и в научных целях. По причине своей доступности это знание помогает надлежащим образом ориентироваться в сложной социальной вселенной. Разграничение вертикальных и горизонтальных параметров отражает явления, действительно существующие в социальной вселенной: иерархии, ранги, доминирование и субординация, авторитет и послушание, повышение и понижение по службе. Все эти явления и соответствующие им взаимозависимости представлены в виде стратификации и суперпозиции. Для описания таких связей необходимы и удобны вертикальные параметры. С другой стороны, взаимосвязи, свободные от таких элементов, можно описать в горизонтальных параметрах. Короче говоря, под углом зрения социальной технологии, а также с точки зрения природы социальной вселенной не существует причин, препятствующих социологу прибегать к вышеописанному, обыденному разграничению двух основных параметров социальной вселенной.

В дальнейшем речь пойдет о социальной стратификации и вертикальной социальной мобильности.

Социальная стратификация - это дифференциация некой данной совокупности людей (населения) на классы в иерархическом ранге. Она находит выражение в существовании высших и низших слоев. Ее основа и сущность - в неравномерном распределении прав и привилегий, ответственности и обязанности, наличии или отсутствии социальных ценностей, власти и влияния среди членов того или иного сообщества. Конкретные формы социальной стратификации разнообразны и многочисленны. Если экономический статус членов некоего общества неодинаков, если среди них имеются как имущие, так и неимущие, то такое общество характеризуется наличием экономического расслоения независимо от того, организовано ли оно на коммунистических или капиталистических принципах, определено ли оно конституционно как «общество равных» или нет. Никакие этикетки, вывески, устные высказывания не в состоянии изменить или затушевать реальность факта экономического неравенства, которое выражается в различии доходов, уровня жизни, в существовании богатых и бедных слоев населения.

Если в пределах какой-то группы существуют иерархически различные ранги в смысле авторитетов и престижа, званий и почестей, если существуют управляющие и управляемые, тогда независимо от терминов (монархи, бюрократы, хозяева, начальники) это означает, что такая группа политически дифференцирована, что бы она ни провозглашала в своей конституции или декларации. Если члены какого-то общества разделены на различные группы по роду их деятельности, занятиям, а некоторые профессии при этом считаются более престижными в сравнении с другими и если члены той или иной профессиональной группы делятся на руководителей различного ранга и на подчиненных, то такая группа профессионально дифференцирована независимо от того, избираются ли начальники или назначаются, достаются ли им их руководящие должности по наследству или благодаря их личным качествам.

Основные формы социальной стратификации и взаимоотношения между ними.

Конкретные ипостаси социальной стратификации многочисленны. Однако все их многообразие может быть сведено к трем основным формам: экономическая, политическая и профессиональная стратификация. Как правило, все они тесно переплетены. Люди, принадлежащие к высшему слою в каком-то одном отношении, обычно принадлежат к тому же слою и по другим параметрам; и наоборот. Представители высших экономических слоев одновременно относятся к высшим политическим и профессиональным слоям. Неимущие же, как правило, лишены гражданских прав и находятся в низших слоях профессиональной иерархии. Таково общее правило, хотя существует и немало исключений. Так, к примеру, самые богатые далеко не всегда находятся у вершины политической или профессиональной пирамиды, также и не во всех случаях бедняки занимают самые низкие места в политической и профессиональной иерархии. А это значит, что взаимозависимость трех форм социальной стратификации далека от совершенства, ибо различные слои каждой из форм не полностью совпадают друг с другом. Вернее, они совпадают друг с другом, но лишь частично, то есть до определенной степени. Этот факт не позволяет нам проанализировать все три основные формы социальной стратификации совместно. Для большего педантизма необходимо подвергнуть анализу каждую из форм в отдельности.

Социальная стратификация как постоянная характеристика любой организованной социальной группы.

Любая организованная социальная группа всегда социально стратифицирована. Не существовало и не существует ни одной постоянной социальной группы, которая была бы «плоской» и в которой все ее члены были бы равными. Общества без расслоения, с реальным равенством их членов - миф, так и никогда не ставший реальностью за всю историю человечества. Данное утверждение может показаться отчасти парадоксальным, и все-таки оно верно. Формы и пропорции расслоения могут различаться, но суть его

постоянна, если говорить о более или менее постоянных и организованных социальных группах. Это верно не только для человеческого общества, но даже и для растительного и животного миров.

Любая организованная социальная группа, как только она сорганизовалась, неизбежно до определенной степени само-дифференцируется.

«Градации, иерархии, сиятельные лидеры, общественные устремления - все это появляется спонтанно, как только люди собираются вместе, будь то для развлечения, для взаимопомощи, для добровольных акций или ради большего объединения - государства. Говорят, что каждый англичанин любит лорда, а каждый американец - титул». Семья, церковь, секта, политическая партия, фракция, деловая организация, шайка разбойников, профсоюз, научное общество - короче говоря, любая организованная социальная группа расслаивается из-за своего постоянства и организованности. Даже группы ревностных уравнивателей и постоянный провал всех их попыток создать нестратифицированную группу свидетельствуют об опасности и неизбежности стратификации в любой организованной группе.

Настоящие демократии, социалистические, коммунистические, синдикалистские и другие организации со своим лозунгом «равенства» не представляют исключения из правила. В отношении демократий это было показано выше. Внутренняя организация различных социалистических и близких им групп, претендующих на «равенство», показывает, что, возможно, ни одна другая организация не создает такой громоздкой иерархии и «боссизма», которые существуют в этих группах. Социалистические лидеры относятся к массам как к пассивному инструменту в их руках, как к ряду нулей, предназначенных только для того, чтобы увеличивать значение фигуры слева, пишет Э. Фурньер (один из социалистов). Если в этом утверждении и есть некоторое преувеличение, то оно незначительно. По крайней мере, лучшие и самые компетентные исследователи единодушны в своих заключениях о громадном развитии олигархии и стратификации внутри всех подобных групп.

Громадное потенциальное стремление к неравенству у многочисленных уравниателей становится сразу заметным, как только они дорываются до власти. В таких случаях они часто демонстрируют большую жестокость и презрение к массам, чем бывшие короли и правители. Это регулярно повторялось в ходе победоносных революций, когда уравниатели становились диктаторами. Классическое описание подобных ситуаций Платоном и Аристотелем, выполненное на основе социальных потрясений в Древней Греции, может быть буквально применено ко всем историческим казусам, включая опыт большевиков.

Резюмируем: социальная стратификация - это постоянная характеристика любого организованного общества. «Изменяясь по форме, социальная стратификация существовала во всех обществах, провозглашавших равенства людей». Феодализм и олигархия продолжают существовать в науке и искусстве, политике и менеджменте, банде преступников и демократиях уравниателей - словом, повсюду.

Это, однако, не значит, что социальная стратификация качественно и количественно одинакова во всех обществах и во все времена. По своим конкретным формам, недостаткам и достоинствам она различна. Проблема, которую нужно сейчас обсудить, - это ее качественные и количественные различия. Начнем с количественного аспекта социальной стратификации в ее трех формах: экономической, политической и профессиональной. Под этим понимается высота и профиль социальной стратификации и, соответственно, высота и профиль всего «социального здания». Какова высота его? Каково расстояние от основания до вершины «социального конуса»? Крутые или пологие его склоны? Все эти вопросы относятся к количественному анализу социальной стратификации, так сказать, фасу архитектуры социального здания. Его внутренняя структура, его цельность - предмет качественного анализа. Прежде следует исследовать высоту и профиль социальной пирамиды, после того мы войдем в пирамиду и произведем осмотр внутренней организации с точки зрения социальной стратификации”

(Сорокин, П. А. Социальная стратификация и мобильность // Человек. Цивилизация. Общество /П.А. Сорокин; общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонова. - М.: Политиздат, 1992. -С. 297-307.)

Задание 8.1.16

Прочитайте фрагмент текста и ответьте на вопросы.

1. *Что, согласно К. Марксу, определяет развитие общества?*
2. *Что такое «базис» и «надстройка», «общественное бытие» и «общественное сознание»? Как они соотношены?*
3. *Что определяет переход от одной формации к другой?*
4. *Какие типы способа производства выделяет К. Маркс?*

“Я рассматриваю систему буржуазной экономики в следующем порядке: капитал, земельная собственность, наемный труд, государство, внешняя торговля, мировой рынок. Под первыми тремя рубриками я исследую экономические условия жизни трех больших классов, на которые распадается современное буржуазное общество; взаимная связь трех других рубрик очевидна. Первый отдел первой книги, трактующей о капитале, состоит из следующих глав: 1) товар, 2) деньги, или простое обращение, 3) капитал вообще. ... Общее введение, которое я было набросал, я опускаю, так как по более основательном размышлении решил, что всякое предвосхищение выводов, которые еще только должны быть доказаны, может помешать, а читатель, который вообще захочет следовать за мной, должен решиться восходить от частного к общему. Однако некоторые замечания о ходе моих собственных политико-экономических занятий представляются мне здесь уместными. ... Мои исследования привели меня к тому результату, что правовые отношения, так же точно как и формы государства, не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого общего развития человеческого духа, что, наоборот, они коренятся в материальных жизненных отношениях, совокупность которых Гегель, по примеру английских и французских писателей XVIII века, называет «гражданским обществом», и что

анатомию гражданского общества следует искать в политической экономии. ... В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения - производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или - что является только юридическим выражением последних - с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке. При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с естественнонаучной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче - от идеологических форм, в которых люди осознают этот конфликт и борются за его разрешение. Как об отдельном человеке нельзя судить на основании того, что сам он о себе думает, точно так же нельзя судить о подобной эпохе переворота по ее сознанию. Наоборот, это сознание надо объяснить из противоречий материальной жизни, из существующего конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями. Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно

простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества. Поэтому человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже имеются налицо, или, по крайней мере, находятся в процессе становления. В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить как прогрессивные эпохи экономической общественной формации. Буржуазные производственные отношения являются последней антагонистической формой общественного процесса производства, антагонистической не в смысле индивидуального антагонизма, а в смысле антагонизма, вырастающего из общественных условий жизни индивидуумов; но развивающиеся в недрах буржуазного общества производительные силы создают вместе с тем материальные условия для разрешения этого антагонизма. Поэтому буржуазной общественной формацией завершается предыстория человеческого общества”

(Маркс, К. К критике политической экономии. Предисловие / Карл Маркс // Маркс К, Энгельс Ф Избранные сочинения в 9-ти т. Т. 4. — М.: Политиздат, 1986. — С. 136—140.)

Задание 8.1.17

Прочитайте текст Б. Дюпре «Справедливая война» из книги «Философия. 50 идей, о которых нужно знать» и ответьте на вопросы

- *Какую войну можно считать справедливой?*
- *Согласны ли вы с мнением Б. Франклина, о том что не бывает хорошей войны и плохого мира?*
- *Если есть исключения, то в чем они состоят?*

Дюпре Б. Справедливая война

Хотя сторонников у войны всегда хватало, большинство философов склонны скорее согласиться с поэтом Чарлзом Сорли, написавшим в 1915 году, за несколько месяцев до своей гибели в битве при Лусе в возрасте 21 года: «Нет такой вещи, как справедливая война, мы изгоняем дьявола при помощи дьявола». Тем не менее многие согласятся, что, хотя война всегда зло, некоторые дьяволы страшнее других. Да, войны следует по возможности избегать, но не любой ценой. Она может оказаться меньшим из двух зол; причина может быть настолько важна, что обращение к силе оружия морально оправданно. В таких обстоятельствах войну можно называть справедливой.

Философские дебаты о моральности войны, столь же актуальные сегодня, как и тысячу лет назад, имеют богатую историю. На Западе вопрос, впервые поднятый философами Древней Греции и Рима, подхватила христианская церковь. Принятие христианства в Римской империи потребовало примирить пацифизм ранней церкви с военными потребностями огромной державы. Августин первым попытался найти такой компромисс, Фома Аквинский продолжил его дело и предложил ставшее теперь каноническим разделение между «*jus ad bellum*» («право войны», «оправдание перехода к войне»; условия, при которых морально оправдано применение оружия) и «*jus in bello*» («справедливость на войне», правила ведения боевых действий). Вокруг этих двух идей и вертится спор о «справедливой войне».

Оправдания войны Главные задачи теории справедливой войны — определить, при каких условиях обращение к силе оружия морально оправдано, и создать набор правил, по которым должны вестись боевые действия. Принципы *jus ad bellum* изменялись и уточнялись на протяжении веков. Некоторые из них до сих пор вызывают споры; как и следовало ожидать, «дьявол» в деталях и в их практической интерпретации. В целом философы согласны, что многочисленные условия необходимы, но ни одно из них само по себе не достаточно для оправдания войны. Более-менее все согласны, что возможными условиями для начала войны могут быть следующие:

Справедливые мотивы. Главное и в то же время самое спорное условие справедливый повод. Ранее это условие довольно широко интерпретировалось и включало, например, религиозные мотивы; в современном секулярном западном мире такой повод к войне сочтут идеологическим, а потому совершенно неприемлемым. Большинство современных теоретиков сузили это условие до защиты от агрессии. Чуть меньше споров вызывает объявление справедливым поводом к началу войны защиту основных прав государства — политического суверенитета и территориальной целостности (Кувейт против Ирака в 1990–1991 гг.); и многие согласны, что помощь третьей стороне, пострадавшей от агрессии, также вполне оправданна (освобождение Кувейта союзниками в 1991 г.). А вот справедливость превентивного нападения на возможного агрессора все же сомнительна. Зачастую сложно бывает определить, не были ли превентивные меры сами по себе агрессией, и некоторые философы считают, что справедливым поводом следует считать только уже свершившееся нападение.

- **Праведные намерения.** Недостаточно справедливого повода для начала войны; необходимо также, чтобы единственной целью этой войны было достижение справедливости. Фома Аквинский в связи с этим говорит о распространении добра и недопустимости зла, но по сути все сводится к тому, что единственной мотивацией должно быть исправление несправедливости, созданной агрессией, которая и предоставила повод к войне. Нельзя прикрывать справедливым поводом, как фиговым листком, низменные мотивы — национальные интересы, расширение территории и так далее. Освобождение Кувейта от иракской оккупации оправданно; помощь Кувейту с целью получить доступ к кувейтской нефти — нет.

- **Легитимность.** Решение о начале войны может быть принято только «легитимной властью» на законных основаниях — это кажется очевидным. «Легитимный» означает, что данный государственный орган управления обладает полномочиями для объявления войны (его компетенция обычно определена конституцией государства). «Объявление войны» настолько

важный акт, что решение о начале военных действий должно быть официально объявлено как своим гражданам, так и противной стороне. Но эта необходимость сомнительна, если она даст врагу стратегическое преимущество, — при том, что враг явно лишился права на такие сантименты, проявив агрессию. «Легитимность власти» сама по себе довольно сложный вопрос и не всегда подтверждается отношением граждан к правительству.

Последний довод. Переход к войне — сколь бы справедливым ни был повод — оправдан, только если все другие, мирные, способы уладить конфликт были опробованы или, по крайней мере, обсуждались. Если конфликта можно избежать дипломатическими средствами, переходить к военным действиям будет категорически неправильно. Экономические и другие санкции также должны быть рассмотрены, и их последствия для гражданского населения необходимо сравнить с последствиями возможной войны.

- **Вероятность успеха.** Даже если все остальные условия соблюдены, страна должна обращаться к войне, только если имеет «разумные» шансы на успех. Это условие кажется достаточно благоразумным: какой смысл рисковать человеческими жизнями и тратить ресурсы напрасно? Но какой успех имеется в виду? Неужели слабой стороне *неправильно* защищаться от сильного агрессора — вне зависимости от шансов? Консеквенциалистский «привкус» этого условия многих не устраивает. Иногда абсолютно правильно сопротивляться агрессору, а вот не сопротивляться — трусливо и аморально, несмотря на всю возможную бессмысленность этого действия.

- **Пропорциональность.** Равновесие между желаемым результатом и вероятными реальными последствиями: ожидаемое добро (исправить несправедливость, вызванную агрессией) должно перевешивать возможный ущерб (жертвы, человеческие страдания и т. д.). Военные действия должны принести больше блага, чем вреда, — еще одно благоразумное, явно консеквенциалистское условие; хотя в данном случае практически невозможно определить и измерить степень добра и зла. Пытаясь оценить

методы и результаты военных действий, мы вторгаемся в область *jus in bello* — правил ведения войны.

Не просто праведная война Теория справедливой войны по сей день активно обсуждается философами, но возможные взгляды на проблему войны не ограничиваются единственной концепцией. Самые крайние взгляды — реализм и пацифизм. Реалисты считают сомнительной саму идею применения принципов этики к войне (или даже к международной политике в целом); политическое влияние и национальная безопасность — главное, настоящие игроки играют жестко, мораль для слабаков. Пацифисты, напротив, считают, что международная политика должна в первую очередь определяться моралью. В отличие от сторонников теории справедливой войны пацифисты убеждены, что война не может быть правильным выходом ни при каких условиях. Другой аспект теории справедливой войны — *jus in bello*, моральные принципы, регулирующие порядок ведения боевых действий. Правил этих много, от поведения отдельных солдат по отношению к военным и гражданским вражеской страны до стратегических вопросов, таких как использование оружия (ядерного, химического, мин и т. д.). В этой области главными считаются два соображения — пропорциональность и различия. Пропорциональность предполагает соответствие целей и средств. К примеру, практически все согласны, что ядерная бомбардировка недопустима — вне зависимости от возможных выгод с точки зрения тактики. Различение подразумевает четкое разграничение военных и гражданских. Например, нельзя нападать на мирных граждан, даже если это поднимает воинский дух армии. Очевидно, что справедливая война может вестись несправедливыми методами, а несправедливая — справедливыми. Другими словами, требования *jus ad bellum* и *jus in bello* различны, и одни из них могут быть соблюдены без соблюдения других. Многие аспекты *jus in bello* совпадают с международным законодательством (например, с Гаагской и Женевской конвенциями), и нарушения его как победителями, так и побежденными следует считать военными преступлениями. (Дюпре Д. Справедливая война // Философия. 50

идей, о которых нужно знать. —Пер. с англ. М. Александровой. — М.: Фантом Пресс, 2014. – С. 200–203).

Задание 8.1.18

Прочитайте текст Т. Нагеля «Справедливость» из книги «Что все это значит? Очень краткое введение в философию» и ответьте на вопросы:

- *Какие виды неравенства людей вы считаете справедливыми и естественными, а какие нет?*
- *Какое неравенство требует специального вмешательства общества / государства, какие меры ликвидации неравенства являются приемлемыми, а какие нет?*

Нагель Т. Справедливость

Разве это справедливо, что одни люди рождаются в богатстве, а другие — в бедности? А если несправедливо, то нужно ли с этим что-то делать? Мир исполнен неравенства — и внутри одной отдельно взятой страны, и между разными странами. Одни дети рождаются в состоятельных, благополучных семьях и растут, хорошо питаясь и получая хорошее образование. Другие рождаются в семьях бедняков и недоедают, не получают нормального образования и медицинской помощи. Ясно, что здесь все дело в счастливом или несчастном жребии: мы не ответственны за то, что принадлежим от рождения какому-то социальному или экономическому классу или какой-то стране. Вопрос в том, насколько глубоко и злокачественно неравенство, от которого безвинно страдают люди, не выбиравшие своей судьбы? Должны ли правящие круги употребить свою власть на то, чтобы постараться снизить уровень неравенства такого рода, за которое люди не несут ответственности?

Некоторые виды неравенства насаждаются умышленно. Расовая дискриминация, например, сознательно направлена на то, чтобы лишать работы, жилья и образования одних людей в пользу других по расовому

признаку. А женщинам бывают недоступны работа и привилегии, предоставляемые исключительно мужчинам. Здесь уже дело не просто в счастливой или несчастной судьбе. Расовая или половая дискриминация явным образом несправедливы: это суть формы неравенства, обусловленные факторами, которым нельзя позволить распоряжаться основами человеческого благополучия. Справедливость требует, чтобы люди со знаниями и способностями имели возможность их реализовывать, и несомненным благом являются попытки властей утвердить такое равенство возможностей

Но не так-то легко понять, как относиться к видам неравенства, возникающим в рамках обычного порядка вещей и хода событий, когда нет речи о специальной расовой или половой дискриминации. Дело в том, что даже там, где налицо равенство возможностей и любой способный и компетентный человек может учиться в университете, получить хорошую работу и купить достойное жилье, продвигаться по службе — и все это без каких-либо расовых, религиозных, национальных или половых ограничений, — даже и там все ещё остаётся множество всякого рода видов неравенства. Люди, вышедшие из более состоятельных слоев, как правило, лучше подготовлены, образованы, располагают большими средствами; у них будет и больше шансов получить хорошее место по сравнению с конкурентами. И даже в обществе, где обеспечены формально равные для всех возможности, у одних стартовые условия и результаты будут более благоприятными, чем у других, чьи природные способности ничуть не хуже.

В условиях конкуренции не только это обстоятельство, но и различия в самих природных задатках приводят к значительной разнице в достижении итоговых результатов и преимуществ. Те, чьи способности и квалификация отвечают высоким требованиям, зарабатывают гораздо больше людей без особых дарований и умений. Отчасти различия такого рода тоже зависят от удачливости. Хотя люди и должны развивать и применять на практике свои способности, все же никакая сумма усилий не позволит большинству из них играть в кино, как Мерил Стрип, писать картины, как Пикассо, или производить

автомобили, как Генри Форд. Примерно так же дело обстоит и в случае других, более скромных достижений. Счастливое сочетание одновременно и природного таланта, и благополучной семьи, и благоприятной классовой принадлежности — важнейший фактор, определяющий доходы и положение человека в обществе, основанном на началах свободной конкуренции. Равные возможности приводят к неравным результатам.

Неравенство подобного рода, в отличие от результатов, обусловленных расовой или половой дискриминацией, порождается выборами и поступками, в которых, самих по себе, по-видимому, нет ничего дурного. Люди стараются обеспечить своих детей, дать им хорошее образование, и одни располагают для этого большими деньгами, чем другие. Люди платят за товары, услуги и развлечения, которые им нравятся, одни товаропроизводители и продюсеры становятся богаче других, поскольку то, что они предлагают рынку, востребовано большей массой потребителей. Любой бизнес, любая организация прежде всего заинтересованы в работниках, способных хорошо выполнять свои обязанности, и больше всего платят тем, чьи квалификация и мастерство выше. И если, допустим, один ресторан ломится от посетителей, а другой, расположенной поблизости, пустует, потому что в первом талантливый шеф-повар, а во втором — так себе, то ведь клиенты, предпочитая первый и обходя второй, не делают ничего дурного — даже при том, что их выбор влечёт печальные последствия для владельца второго ресторана, его персонала и их семей.

Такого рода последствия особенно тревожны тогда, когда они упрочивают тяжёлое положение людей. В некоторых странах значительная часть населения из поколения в поколение живёт в нищете. Но даже в такой благополучной стране, какими являются Соединённые Штаты, масса людей в самом начале жизни сталкиваются с двумя факторами, работающими против них: с низким материальным достатком и малообразованностью. Некоторым удаётся преодолеть эти препятствия на своём пути, но такой путь гораздо тяжелее, нежели благополучная карьера при высоких стартовых возможностях.

Но самое тревожное чувство внушает огромный разрыв в уровне благосостояния, здравоохранения и образования между богатыми и бедными странами. У большей части населения нашей планеты нет никаких шансов сравняться в экономическом отношении даже с беднейшими слоями населения в Европе, Японии и США. Эта огромная разница между счастливой и несчастной судьбой представляется откровенно несправедливой; но что (если вообще что-то) можно с этим поделать? Следует поразмыслить как о сущности неравенства самого по себе, так и о лекарственных средствах, позволяющих снизить его уровень или полностью его устранить. Основной вопрос по поводу неравенства, как такового, звучит следующим образом: какие причины или мотивы, вызывающие неравенство, следует считать злом? А основной вопрос касательно средств борьбы с ним таков: какие методы уменьшения неравенства являются правильными? В случае сознательной расовой или половой дискриминации ответ найти легко. Мотивы и причины неравенства в этом случае злокачественны, поскольку злом является то, что совершают те, кто допускает дискриминацию. А средством-противоядием против этого зла будет просто недопущение подобных действий. Если землевладелец отказывается сдавать участки в аренду чернокожим, на него просто следует подать в суд. Но в иных случаях ответить на поставленный вопрос значительно труднее. Проблема в том, что те виды неравенства, которые выглядят как несправедливость, могут проистекать из причин, которые не предполагают, что люди делают что-то дурное. Кажется несправедливым, что люди от рождения гораздо более бедные, чем другие, должны страдать от лишений и жизненных препятствий, в которых сами они не виноваты. Но подобного рода неравенство существует в силу того, что одни люди больше, нежели другие, преуспели в зарабатывании денег и сделали все, чтобы помочь преуспеть своим детям, а также в силу того, что люди стремятся вступать в брак с членами собственного социально-экономического класса, преумножая тем самым своё благосостояние и укрепляя общественное положение, которые передаются от поколения к поколению. Действия, которые объединяют и взаимно

усиливают эти факторы — предприимчивость, приобретательство, браки, передача наследства, заботы по обеспечению и образованию детей, сами по себе не кажутся чем-то дурным и несправедливым. Несправедливым оказывается результат (если только это действительно так): некоторые вступают в жизнь в незаслуженно невыгодных условиях. Если мы протестуем против несправедливости такого расклада судеб, то, конечно, потому, что несогласны с тем, что люди незаслуженно страдают от невыгодных стартовых условий просто в силу обычного функционирования социально-экономической системы, в которой они родились. Некоторые из нас, наверное, считают также, что всякого рода несправедливости судьбы, в которых сами люди неповинны — такие, например, как врождённые физические недостатки, — должны быть, по возможности, компенсированы обществом. Но подобные случаи мы оставим вне нашего обсуждения. Я хотел бы сосредоточиться на образцах незаслуженного неравенства, проистекающего из функционирования общества и его экономики, особенно экономики, основанной на конкуренции. Двумя основными источниками такого неравенства, как я уже говорил, являются различия между социально-экономическими классами, к которым люди принадлежат от рождения, а также различия в природных способностях и талантах, необходимых для решения насущных жизненных задач. Возможно, у вас не вызывает протест неравенство, обусловленное этими причинами. Но если все же вызывает и вы считаете, что общество должно попытаться как-то снизить его уровень, то вам следует предложить какие-то меры, которые бы напрямую противодействовали как самим этим причинам, так и их последствиям, вызывающим неравенство. Итак, сами по себе эти причины, как мы видели, подразумевают сравнительно безобидные и невинные решения многих людей касательно того, как тратить своё время и деньги, как строить свою жизнь. Вмешиваться в решения людей по поводу того, какие товары покупать, как помогать своим детям, сколько платить своим работникам — это совсем не то же самое, что вмешиваться в их дела, когда они собираются ограбить банк или подвергают дискриминации

чернокожих и женщин. Более косвенным вмешательством в экономическую жизнь людей является налогообложение, особенно налоги на доходы и наследство, а также на некоторые расходы, каковые налоги могут быть нацелены на изъятие больших средств у богатых слоев, чем у бедных. Таков один из путей, каким правительство может попытаться снизить рост неравенства в благосостоянии между поколениями, — не давать людям сохранять все свои деньги. Важнее, однако, было бы направить общественные ресурсы, образованные сбором налогов, на преодоление некоторых препятствий в получении образования и поддержку детей из тех семей, которые не в состоянии сделать это самостоятельно. Общественные программы социального обеспечения и пытаются делать это, используя налоговые поступления на пособия по медицинскому обслуживанию, питанию, оплате жилья и образования. Эти меры напрямую направлены на снижение уровня неравенства. Что же касается неравенства, проистекающего из разницы в способностях, то мало что можно сделать, чтобы повлиять на его причины, коренящиеся в конкурентных механизмах экономики — ведь их-то вряд ли можно отменить. До тех пор пока существует конкуренция между работодателями в найме работников, между работниками за рабочие места и между компаниями за покупателей, одни люди будут зарабатывать больше, чем другие. Единственной альтернативой служит централизованная директивная экономика, в которой всем платили бы строго поровну, а людей направляла бы на работу центральная власть. Хотя попытки насадить такую систему уже предпринимались, за них было заплачено непомерной ценой свободы и эффективности — ценой слишком великой, на мой взгляд, чтобы она была приемлемой, хотя и не все в этом со мной согласятся. Если мы хотим снизить уровень неравенства, обусловленного разницей в способностях, и не отказываться при этом от конкурентной экономики, то необходимо принять какие-то меры против самого этого неравенства. Этого можно достичь более высокими налогами на высокие доходы, бесплатным для всех (или хотя бы для малоимущих) социальным обеспечением. Эти меры могли бы

включать прямые денежные выплаты самым низкооплачиваемым слоям в форме так называемого «отрицательного налога на зарплату». Ни одна из указанных мер не устранила бы полностью незаслуженного неравенства; кроме того, любые изменения в системе налогообложения вызовут и другие последствия для экономики, включая последствия для уровня занятости и положения неимущих, которые с трудом поддаются прогнозированию. Так что вопрос о терапевтических мерах всегда остаётся весьма сложным. Однако сосредоточимся на философской стороне дела: меры, необходимые для снижения уровня незаслуженного неравенства, проистекающего из различий в классовом происхождении и природной одарённости, должны включать вмешательство в экономическую жизнедеятельность людей преимущественно через налогообложение: правительство забирает деньги у одних, чтобы оказать помощь другим. Но это не единственное и даже не главное назначение налогов — многие налоги расходуются больше в интересах состоятельных слоев общества, чем малоимущих. Но перераспределительные налоги, как их называют, имеют прямое отношение к нашей проблеме. Именно в них выражается власть правительства вмешиваться в деятельность людей, но не потому, что эта деятельность сама по себе несёт какое-то зло вроде воровства или дискриминации, а потому, что она вызывает последствия, которые, судя по всему, чреватые несправедливостью. Кое-кто не считает перераспределительное налогообложение правильной мерой, полагая, что правительство не должно чинить препятствия людям, вмешиваясь в их дела, если они не делают ничего дурного, а экономические отношения, порождающие все упомянутые проявления неравенства, совершенно непорочны и злом считаться не могут. Сторонники такой точки зрения, возможно, также считают, что нет ничего дурного и в самих этих результирующих проявлениях неравенства: даже если они и незаслуженны, а люди, страдающие от них, ни в чем не повинны, общество все же не обязано во что бы то ни стало покончить с этими проявлениями неравенства. Они говорят: это просто жизнь, и она такова, что одни люди бывают удачливее

других. И предпринимать какие-то действия по этому поводу следует только тогда, когда удача и успех одних достигаются за счёт причинения зла другим. Этот вопрос носит спорный политический характер и вызывает множество разноречивых мнений. У одних неравенство по рождению представителей разных социально-экономических классов вызывает больший протест, чем неравенство, обусловленное разницей в природной одарённости. Им не нравится зависимость от того, что одни рождаются в богатстве, а другие — в нищете; но они убеждены, что человек заслуживает того, что способен достичь собственными усилиями, так что, нет никакой несправедливости в том, что один зарабатывает много, а другой мало, поскольку первый обладает незаурядными способностями и овладел высоким мастерством, тогда как второй способен лишь на малоквалифицированный труд. Сам я полагаю, что неравенство, обусловленное обеими этими причинами, несправедливо. И уж явно несправедливо, если социально-экономическая система функционирует так, что ни в чем не повинные люди живут в условиях тяжких материальных лишений и социальных ограничений — при том, что такое положение легко можно поправить мерами социального обеспечения и перераспределительного налогообложения. Но чтобы составить собственное мнение по этой проблеме, вы должны решить, какие причины неравенства несправедливы и какие меры против них оправданны и разумны. В основном мы говорили о проблеме социальной справедливости в рамках одного и того же общества. В мировом масштабе эта проблема значительно усложняется — как в силу весьма значительного неравенства между странами, так и в силу неясности того, какие меры для исправления положения тут возможны при отсутствии мирового правительства, которое повсеместно собирало бы налоги и следило бы за их эффективным использованием. Никаких перспектив создания мирового правительства ныне не просматривается, что и хорошо, поскольку во многих отношениях это было бы ужасное правительство. Как бы то ни было, проблема глобальной справедливости по-прежнему существует, хотя и непонятно, как она может

быть решена в условиях системы отдельных суверенных государств, в которой все мы живём.

(Источник: «Справедливость» //Нагель Т. Что все это значит? Очень краткое введение в философию. Пер. с англ. А. Толстова. – М.: Идея-Пресс, 2001. – 84 с.)

Задание 8.1.19

Прочитайте текст А. Барбаш «Справедливость» и ответьте на вопросы.

- *Перечислите, в каких основных контекстах употребляется понятие «справедливость»?*
- *Перечислите, какие принципы (критерии) могут быть положены в основу справедливого решения? В чем сильные и слабые стороны каждого из них?*
- *Как следует действовать по отношению к нарушителю принципа справедливости? Перечислите варианты, достоинства и недостатки каждого из них.*

Барбаш А. Что такое справедливость, или Как поделить апельсин с помощью философии

Барбаш А.Что такое справедливость, или Как поделить апельсин с помощью философии/ А. Барбаш. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://knife.media/what-is-justice>) . – Дата доступа – 22.10.2021

Мы много рассуждаем о справедливости, но объяснить, что это, мало кто может. В 2018 году создатели словаря Merriam-Webster назвали «справедливость» главным словом года вместе с «национализмом» и «пансексуалом». Они дали ей такое определение: «Справедливость — это поддержание или управление тем, что является справедливым, особенно благодаря беспристрастному урегулированию конфликтов и назначением заслуженных наград и наказаний». Нам это всё еще

кажется непонятным, поэтому давайте попробуем разобраться, что такое справедливость, с помощью детской считалочки и философии.

Уже с Античности философы поняли, что справедливость касается всех сфер нашей жизни, как общественных и важных вроде системы правосудия и гражданских прав, так и повседневных (кто сегодня платит за пир с Платоном?). А потому и назвали ее самой главной добродетелью, подчиняющей себе три другие — мудрость, мужество и умеренность, — которым должны следовать не только отдельные люди, но и государства.

«По-моему, кроме тех свойств нашего государства, которые мы рассмотрели, — его рассудительности, мужества и разумности — в нем остается еще то, что дает возможность присутствия их там и сохранения. И мы утверждали, что остаток, после того как мы нашли эти три свойства, и будет справедливостью».

— Платон, «Государство»

Впрочем, определить этот «остаток» не так уж легко. Мы часто говорим о справедливости в разных контекстах, забывая уточнить, что конкретно имеем в виду. Справедливость — это умение поступать правильно, несмотря на личную выгоду? заслуженно наказать преступника, несмотря на обиду? решить проблему голода? поставить честную оценку за экзамен?

«Мы делили апельсин. Много нас, а он один»: как поступить справедливо?

Часто первый вопрос, который приходит в голову, когда мы думаем о справедливости: как правильно поделить между людьми разные блага (как материальные, вроде денег или еды, так и нематериальные, вроде равного доступа к образованию или свободы слова). Какая будет честная зарплата; допустимы ли богатство и бедность; стоит ли вводить безусловный доход; как обеспечить всем равное образование и возможно ли это вообще; как бороться с дискриминацией; можно ли брать плату за чистую воду и воздух — всеми этими вопросами занимается распределительная (иногда ее называют дистрибутивной) справедливость (distributive justice), которая объясняет:

- 1) **что,**
- 2) **как**
- 3) **между кем** мы будем делить.

Например, апельсин из той самой детской считалочки можно делить по-разному, и от нашего решения будет зависеть, какое общество мы строим и что будем считать в нем справедливым.

Вариант первый: делим апельсин поровну

Обычно с апельсином мы поступаем просто: даем всем одинаковое количество долек и не паримся философскими вопросами. Такое решение кажется легким и понятным, его часто применяют и для решения более сложных вопросов: все люди равны, а потому пусть всем всё достается одинаково. Такая справедливость руководствуется принципом равенства, которого мы придерживаемся в вопросах гражданских прав: например, когда утверждаем, что женщины равны мужчинам, а потому стоит бороться с гендерной несправедливостью.

Что не так?

Хотя принцип равенства отлично действует в некоторых случаях (например, в борьбе против расовой, гендерной и прочей дискриминации), он сталкивается со множеством проблем в других ситуациях. Например, когда мы задаемся вопросом, а нужно ли нам экономическое равенство или стоит ли платить всем одинаковую зарплату. Где в таком мире место для индивидуальности и развития? Следование принципу равенства может привести к «уравниловке», в которой не учитывается, что у меня может быть аллергия на апельсины и лучше бы мне дали вместо этого пару лишних яблок.

Вариант второй: отдаем апельсин тем, кто заслужил

Поделить апельсин справедливо можно, подсчитав усилия тех, кто работал, чтобы его вырастить. Больше долек — тому, кто поливал его каждый день, меньше — тому, кто ухаживал за деревом всего пару раз в неделю.

Такая справедливость руководствуется принципом заслуг (desert-based principle): приложивший больше усилий должен получать больше тех, кто

ничего не делал. Например, зарплаты зависят от этого принципа: тот, кто имеет бóльший опыт работы и занимается более сложным трудом, получает больше денег, чем те, кто выполняет неквалифицированную работу. Это кажется нам вполне справедливым.

Что не так?

Проблемы этого типа справедливости начинаются, когда он сталкивается с реальным миром, где уже существует неравенство: мне может не повезти, и я могу родиться в холодном климате, где попросту не растут апельсиновые деревья, или мои родители не смогли обеспечить мне достойное образование по апельсиналогии, а потому я не получила хорошую работу. А еще я могу быть ужасным садоводом, но отличной писательницей, вот только в этом воображаемом апельсиновом обществе мои таланты никому не нужны, а значит, и апельсинов мне не достанется.

К тому же философы, которые поддерживают справедливость, основанную на заслугах, спорят между собой, как эти самые заслуги измерять:

- британский философ Дэвид Миллер [предлагает](#) распределять блага по вкладу, который работники внесли в общий продукт. Апельсин следует отдать непосредственно тому садовнику, кто занимался тем самым деревом, с которого этот апельсин сорвали.

- с ним не соглашается современный польский философ Войцех Садурски, который, наоборот, [считает](#), что усилия важнее результата. А потому нам не нужно знать, кто вырастил конкретно это дерево, важнее понять, кто больше всех работал в апельсиновом саду — ему-то и достанется большая часть апельсинового урожая.

- современный австралийский философ Джулиан Ламонт [спорит](#) с обеими позициями и предлагает давать больше апельсинов тому, кто больше всех потратился на апельсиновый сад — необязательно в денежном эквиваленте. Можно измерить, например, кто потратил больше времени или даже здоровья, и наградить его соответственно.

Вариации справедливости, основанной на заслугах, кажутся справедливыми в экономической системе, но в современном демократическом обществе мы вряд ли захотим, чтобы нас допускали к выборам на основе достижений (хотя раньше это считалось вполне нормальным, и во многих культурах только богатые и образованные мужчины могли голосовать).

Вариант третий: помогаем нуждающимся

Еще один вариант поступить справедливо — дать больше апельсиновых долек тому, кто в них нуждается. И совершенно неважно, как много он работал. Если моему соседу Пете нужны апельсиновые дольки, чтобы выздороветь, или даже просто потому, что он любит их больше, чем я, то кажется справедливым отдать бóльшую часть ему.

Такая справедливость основывается на принципе нужды (need-based), и к ней часто обращаются, когда пытаются решить проблемы голода и бедности. Мы хотим помогать страждущим, и кажется справедливым, что если кому-то не хватает еды или доступа к образованию, то мы пытаемся эту нехватку восполнить.

Что не так?

Проблема, на которую натывается этот тип справедливости, — это критерий нужды. Все люди разные, и всем нужны разные вещи в разном количестве. Кто-то нуждается в свежей еде, а кто-то — в макбуке последней модели. Если измерить их нужду, вполне можно обнаружить, что второму ноутбук будет-таки нужнее и сделает его более счастливым, чем первого — еда. Значит ли это, что справедливее будет потратиться на макбук, а не на еду?

С похожей проблемой сталкивается и утилитаризм — философская теория, которая считает справедливым всё то, что ведет к максимизации всеобщего счастья. Как измерить нужду? И как измерить счастье? Если мой сосед Петя будет счастливее, чем я, когда получит больше апельсинов, утилитаристы их ему и отдадут.

Таким образом, философия утилитаризма допускает страдание, если оно ведет к счастью для большинства. Но так ли это справедливо — заставлять меньшинство страдать ради благополучия части общества, пускай и бóльшей?

Вариант четвертый: спрашиваем Джона Ролза

Если ни один из вышеперечисленных способов поступить справедливо не устраивает, а поделить апельсин всё-таки хочется, можно обратиться к одному из самых обсуждаемых политических философов XX века, Джону Ролзу. Он придумал собственную теорию распределительной справедливости, основанную на двух принципах:

«во-первых, каждое лицо (person), принимающее участие в какой-либо практике, или находящееся в сфере ее воздействия, имеет равное право на наиболее обширную свободу, совместимую с такой же свободой для всех остальных;

и, во-вторых, неравенство допустимо только в том случае, если разумно ожидать, что оно будет выгодно для всех и при условии, что то общественное положение и те должности, с которыми оно связано или из которых оно вытекает, являются доступными для всех».

— Джон Ролз, «Справедливость как честность»

Проще говоря, Ролз попытался соединить принцип равенства и принцип справедливости, основанной на заслугах. Все люди равны и должны иметь одинаковый доступ ко всем благам. Однако неравное распределение этих благ допустимо, если оно выгодно большинству и помогает развитию общества, ведь те, кто получали больше, добились успеха благодаря своим способностям и помогли сделать общество лучше для всех.

На примере с апельсином (и очень упрощенно) это означает, что в идеале апельсин хорошо бы поделить между всеми поровну. Но. Если кто-то работал больше всех в апельсиновом саду или изобрел какое-то новое средство, помогающее выращивать апельсины быстрее, то он вправе получить больше апельсиновых долек. Ведь, в конце концов, это он потом будет работать лучше, а значит, всё общество только выиграет от этого и получит бóльший урожай

апельсинов. Таким образом, Ролз допускает неравенство, если оно выгодно и тем, кто меньше всех получает.

В книге «Теория справедливости» Джон Ролз утверждает, что большинство людей рационально предпочтет именно такую систему справедливости, если они окажутся в ситуации, где никто ничего не знает о своем нынешнем социальном статусе и о статусе других людей, — или, говоря словами Ролза, все наденут так называемую вуаль неведения. В таком «естественном» состоянии, где все люди по-настоящему равны между собой и не имеют вообще никаких привилегий — ни денег, ни таланта, ни даже склонностей к риску или оптимизму, — все согласятся с тем, чтобы в будущем справедливом обществе у всех был равный доступ к благам.

Однако все так же вполне рационально не захотят и полной уравниловки, ведь тогда какой смысл развивать таланты и что-то делать? А потому небольшое неравенство оправдано, ведь те, кто заслуженно будет получать больше, также будет делать и жизнь всего общества лучше. И даже те, кто в итоге получит меньше всех, всё равно получит больше в сравнении с обществом, где будет полная уравниловка, которая никого не мотивирует развиваться.

Вариант пятый: спорим с Ролзом и спрашиваем всех остальных

Теория Ролза породила лавину критической литературы и дальнейших исследований справедливости. «Отныне политические философы обязаны либо работать в рамках теории Ролза, либо объяснять, почему они этого не делают», — заявил современный американский философ Роберт Нозик и принялся спорить с Ролзом, утверждая, что его теория ограничивает личную свободу. Ведь если на моем таланте выращивать отборные апельсины паразитируют менее способные садовники, и государство к тому же вынуждает меня часть апельсинов им отдавать (пусть даже я получаю больше, чем они), то это не так уж и справедливо.

Известный американский философ Майкл Сэндел тоже не согласен с Ролзом, но по другому поводу: он считает, что

мы не способны представить себе то самое «естественное» состояние, где все равны. Ведь даже надев «вуаль неведения», в реальной жизни мы всё равно остаемся мужчинами или женщинами, остается культура, в которой мы росли, и другие факторы (вроде отношений с другими людьми и наших черт характера), которые неосознанно влияют на нас.

А потому справедливость имеет свои пределы. Возможно, нам стоит строить общество, в котором справедливость не занимала бы главенствующее положение среди других добродетелей. Проще говоря, а почему вообще так важно делить апельсин справедливо? Почему бы не задаться другими вопросами, например, как поделить апельсин так, чтобы это сделало всех нравственными или улучшило отношения?

Современный американский философ Майкл Уолцер считает, что всё-таки задаваться вопросами о справедливости важно и нужно, вот только стоит помнить, что в реальной жизни всё зависит от конкретной ситуации. А потому ни к чему искать один-единственный критерий справедливости, если можно использовать разные принципы справедливости для разных ситуаций. В одном случае будет справедливо поделить апельсин поровну, в другом — отдать тому, кто его вырастил, а в третьем — самому голодному. Справедливость зависит от культуры и контекста, и нам лучше прекратить попытки искать одну-единственную справедливость и разрешить каждому обществу самому решать, что справедливо для него.

И хотя позиция Уолцера кажется привлекательной, с ним спорят те философы, которые выступают против релятивизма. Ведь если в одном обществе все апельсины отдаются самым красивым, потому что самые красивые захватили власть и установили такой закон, мы вряд ли захотим с этим согласиться.

А значит, поиски распределяющей справедливости продолжаются до сих пор. Этим активно занимаются современные политические философы.

Апельсин украден! Кто виноват и что делать?

Справедливость занимается не только дележкой. Мы вспоминаем о справедливости и когда хотим наказать нарушителей, которые незаконно присвоили себе блага. Обычно такие исследования называют исследованиями исправляющей справедливости (corrective justice).

Мы делили апельсин, а его украли. Преступника нашли, но каким же будет справедливое наказание?

Вариант первый: забираем у преступника такой же апельсин

Как насчет отобрать у нарушителя такой же апельсин? Это кажется справедливым: меня лишили апельсина — и я отберу у своего обидчика такой же апельсин.

Принцип талиона «око за око, зуб за зуб» известен с древнейших времен — это, пожалуй, самый первый вариант исправляющей справедливости. В какой-то степени он продолжает принцип равенства: если я лишилась апельсина и страдала из-за этого, то я хочу, чтобы мой обидчик страдал точно также и лишился того же.

Что не так?

Не всё можно компенсировать. Если апельсин можно вернуть, то возратить утраченное здоровье или оживить убитого близкого человека невозможно. Да и не факт, что преступник будет страдать также, как и его жертва, даже если лишится того же. Измерять страдания, как и счастье, очень проблематично.

Вариант второй: идем в суд

Если отбирать апельсины кажется не очень справедливым решением, то можно отправиться в суд, где за кражу назначат штраф, принудительные работы или даже лишение свободы. Звучит справедливо?

Судебная система базируется на принципе, основанном на заслугах: каждый преступник получает то наказание, которое соответствует степени его вины. Только в отличие от принципа талиона наказание — это необязательно причинение преступнику точно такого же вреда, что он причинил жертве. Это не отбирание у него таких же апельсинов, а любое наказание, которое

беспристрастный орган справедливости сочтет адекватным. Больше не жертва решает, как наказывать преступника в ответ, теперь этим занимается незаинтересованная сторона, которая и решит, что будет правильным наказанием.

Такое понимание исправляющей справедливости известно как ретрибутивизм, и многие философы права развивают эту теорию, популярную еще с XIX века. Например, философ Иммануил Кант так ее определяет:

«Итак, то зло, которое ты причиняешь кому-нибудь другому в народе, не заслужившему его, ты причиняешь и самому себе... Лишь право возмездия, если только понимать его как осуществляющееся в рамках правосудия (а не в твоём частном суждении), может точно определить качество и меру наказания; все прочие права неопределенны и не могут из-за вмешательства других соображений заключать в себе соответствие с приговором чистой и строгой справедливости».

— Иммануил Кант, «Основы метафизики нравственности»

Что не так?

Ретрибутивизмом до сих пор руководствуются многие системы правосудия, но его иногда критикуют за слишком жестокое отношение к людям. Например, философы-утилитаристы считают, что система правосудия не должна увеличивать страдания — а тут получается, что сначала жертва страдает от действий преступника, а затем и преступник страдает от системы правосудия. Кроме того, этот подход сфокусирован на наказании преступника, но не на помощи ему в исправлении — а значит, не заботится о предотвращении будущих преступлений.

Кроме того, ретрибутивизм неизменно сталкивается с проблемой обоснования смертной казни. Бывают ли преступления, для которых смертная казнь — единственное решение, или ее стоит отменить, потому что ничто (даже убийства сотни тысяч других людей) такого наказания не заслуживает?

Впрочем, вопрос смертной казни обсуждает любая теория исправляющей справедливости и ищет свои аргументы как за, так и против.

Вариант третий: отправляем преступника выращивать апельсины

Если вы согласны, что заставлять преступников страдать не очень гуманно, а лучше отправить их приносить пользу обществу, то читайте философов-утилитаристов. Они говорят, что наказания, которые фокусируются только на возмездии, — однозначное зло. Уж лучше строить систему правосудия так, чтобы справедливым считалось то, что приносит всем выгоду.

Например, можно наказать преступника, отправив его не в тюрьму, а на апельсиновую плантацию, где он возместит ущерб одного украденного апельсина, вырастив еще дюжину. Кроме того, можно задаться целью исправить нарушителя и помочь ему осознать свою вину, чтобы в будущем он больше никаких преступлений не совершал и не представлял угрозу обществу.

И вообще можно создать такую систему наказаний, которая настолько бы устрашала жителей общества, что все попросту побоялись бы совершать преступления.

Что не так?

Философы-утилитаристы так сильно фокусируются на всеобщем благополучии, что им приходится допускать наказание невиновного. Например, если его наказание послужит отличным примером для всех остальных, чтобы те поменьше нарушали закон, то утилитарист посчитает, что такое наказание принесет больше блага, чем страданий. Ну а то, что несправедливо пострадал один... Что же, нам всем приходится чем-то жертвовать.

Кроме того, утилитаристы в целом лояльно относятся к смертной казни, ведь она служит отличным устрашителем для общества.

Вариант четвертый: прощаем

А что, если поступить справедливо — это простить преступника? Прощению учат многие религии мира, ведь мы не в силах вершить справедливый суд, а потому уж лучше оставить это Богу.

Впрочем, о прощении говорят не только священники. О том, что поступить справедливо — значит отпустить преступника, говорили и стоики. Согласно стоической философии, справедливый человек настолько самодостаточен, что ему попросту невозможно нанести такой вред, который потребовал бы наказания:

«Всякая обида отнимает нечто у того, кому наносится. Она либо умаляет наше достоинство, либо наносит ущерб телу, либо отнимает что-то из внешних по отношению к нам вещей. Но мудрецу нечего терять: все его достояние в нем самом, фортуне он не доверил ничего; все его добро помещено в самое надежное место, ибо он довольствуется своей добродетелью, которой не нужны дары случая и которая поэтому не может ни убавиться, ни прибавиться».

— Сенека, «О стойкости мудреца»

Что не так?

Прощать всех преступников, может быть, и хорошая стратегия для мира моральных святых, но в нашем мире это может быть опасно: некоторые люди сочтут, что раз преступления не наказуемы, то их можно легко совершать. Например, Главкон, один из участников Платоновского диалога «Государства» рассказывает легенду о кольце Гига. Любой, кто наденет его, становится невидимым и может делать что хочет. Главкон уверен, что даже если кольцо попадет к справедливому человеку, тот всё равно не устоит перед его властью и начнет вершить самосуд: например, убьет человека, пускай и преступника.

Справедливость — настолько широкая тема, что о ней можно размышлять не только спрашивая, как что-нибудь честно делить и как наказать. Философы также пытаются определить, кто именно решает, что такое «справедливо»: Бог, ученые, юристы, политики, бизнесмены или все мы. А также изучают, как менялось понятие справедливости на протяжении веков.

Справедливость беспокоит нас так сильно, что мы готовы драться за нее и даже отдавать свои жизни. Но бывает ли справедливая война — или справедливость не терпит насилия? Ученые до сих пор не пришли к единому

мнению в этом вопросе, а потому поиски определения справедливости продолжаются.

(Барбаш А. Что такое справедливость, или Как поделить апельсин с помощью философии/ А. Барбаш. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://knife.media/what-is-justice>) . – Дата доступа – 22.10.2021

Задание 8.1.20

Прочитайте текст Дж.Тейчмана, К. Эванса «Равенство» из книги «Философия. Руководство для начинающих» и ответьте на вопросы:

- *Неравенство в обществе – это норма или патология? (приведите конкретные примеры).*

- *Чем может быть оправдано сохранение и воспроизводство неравенства? Какие противоречия содержит в себе принцип различия, сформулированный Дж. Ролзом: «неравенство в обществе может быть оправдано только в случае, если наименее успешные члены общества окажутся в лучшем положении, чем были бы без этого неравенства»?*

- *Согласны ли вы с утверждением Милтона Фридмана: «Общество, которое равенство — в смысле равенства доходов — ставит выше свободы, не получает ни свободы, ни равенства».*

Тейчман Дж., Эванс К. Равенство

Следует ли отстаивать равенство как идеал? Прежде всего надо прояснить, о каком равенстве мы говорим.

Неясности, связанные с равенством

Надо признать, что причиной неясности чаще всего оказывается риторика, связанная с равенством. Например, эгалитаристская риторика иногда начинается с посылки, что все люди равны, а затем переходит к заключению, что все люди *должны*, быть равны. Ясно, что в таком рассуждении слово «равны» употребляется в разных смыслах; но каковы эти смыслы?

Главными жертвами путаной эгалитаристской риторики являются антиэгалитаристы. Упоминая об этой риторике, они отмечают, что люди очевидно не равны, и спрашивают: «Тогда есть ли смысл утверждать, что они должны быть равны?» Они не без оснований заключают, что идеал равенства одновременно губителен и недостижим. Тот факт, что сама эгалитаристская риторика не предусматривает различия между разными видами равенства, должен служить антиэгалитаристам предостережением против той же ошибки.

Разные виды равенства

Очевидно, что никакое сколь угодно сильное правительство не может сделать всех своих подданных равными по росту, равными по доверию к правительству, равными по красоте или альпинистским навыкам. Что же касается ума, то, будь политики в состоянии здесь что-то изменить, они, несомненно, в первую очередь увеличили бы собственные умственные способности.

Но правительства могут сделать людей более равными в других отношениях. В худшем случае правительство может практически уравнивать граждан в невежестве, в умственном или физическом рабстве. Как показывает опыт, правительства могут сделать людей равными в качестве налогоплательщиков.

Правительства могут сделать людей равными и в других, более достойных отношениях. Правительства могут дать всем гражданам равное право голоса, равное право быть избранными в парламент, равное право на слушание дела в суде присяжных. Политическое равенство такого рода отнюдь не является недостижимым. Вы могли бы также возразить, что избранное демократическое правительство — невозможная форма правления. Но оно не невозможно; оно существует.

А экономическое равенство? Его не смогло добиться ни одно правительство, но некоторые полагают, что граждане могут быть равны в отношении материальных благ и дохода. Ведь в отличие от красоты, ума,

доверия к правительству или альпинистских навыков материальные блага могут передаваться от одного человека к другому.

Говоря о равенстве, мы будем иметь в виду либо политическое равенство, либо равенство в отношении материальных благ и дохода.

Достойны ли нашего уважения эти идеалы равенства? Большинство мыслящих людей на Западе, включая многих философов-антиэгалитаристов, признают, что политическое равенство есть условие политической свободы, а значит — идеал, достойный стремления. Наиболее спорным является экономическое равенство, отчасти вследствие неясности самого понятия, отчасти же ввиду возможных вредных последствий.

Неясность понятия экономического равенства обусловлена его взаимосвязью с понятиями потребностей, заслуженных благ и желаний. Это выясняется, как только мы задаем следующие вопросы, не получившие пока удовлетворительного ответа:

Надо ли делать (или оставлять) экономически равными людей, которые не равны с точки зрения красоты, ума или деловых качеств?

Например, *заслуживают* ли красивые, умные и способные более высоких доходов, чем остальные граждане?

Или же менее красивые, способные и умные *нуждаются* в больших доходах, чем остальные?

Видимо, попытка достичь экономического равенства неминуемо порождает зло, скажем, в форме тоталитаризма и экономической неэффективности. Хотя до некоторой степени это зависит от того, какова требуемая мера экономического равенства, какие шаги предпринимаются для его достижения и как этот идеал связан с другими общественными идеалами и определяется ими, все же остается голым эмпирическим фактом, что правительства, ратующие за идеал экономического равенства, в недавнем прошлом были не только подвержены коррупции, но и способны к тирании. И

все же факты следует воспринимать трезво. Не следует рассматривать, скажем, Клементя Эттли и Ф.Д. Рузвельта как ранние варианты Пол Пота.

Против равенства: возможность тирании

По-видимому, движение к обществу без экономического неравенства ставит перед нами фундаментально важную проблему, поскольку представляется, что единственный путь к достижению экономического равенства пролегает через этап крайнего неравенства. Сценарий выглядит примерно так: прежде всего должна произойти революция; после революции народ передает всю власть Товарищу Джо, который, чтобы организовать перераспределение собственности, должен быть равным из равных. (Этот процесс блестяще описан Джорджем Оруэллом в романе «Скотный двор».) Джо с сотоварищами, называемыми обычно партийными функционерами, организует перераспределение имущества, предварительно захватив неограниченную власть. А история свидетельствует, что по причине высокой концентрации власти промежуточная стадия неравенства никогда не завершается естественным достижением равенства.

Далее, процесс *утверждения* равенства не согласуется со свободой. Сколь бы успешным ни было первоначальное революционное перераспределение имущества, оно не только *не порождает*, но и *не может породить* устойчивого состояния равенства. Эгалитарная мечта об окончательном и прочном равенстве неосуществима, поскольку правительство вынуждено все более активно и серьезно вмешиваться в жизнь граждан. Для утверждения экономического равенства правительство должно постоянно корректировать экономическую инфраструктуру, чтобы преградить путь людям хитрым, честолюбивым и экономически более предприимчивым, чем их соотечественники. Должны приниматься жесткие кодексы, регулирующие экономическую деятельность таких людей. Иначе правительствам придется оплачивать операции на мозге, изменяющие ментальные предрасположенности людей с развитым экономическим мышлением.

Против равенства:

Нозик о свободе и собственности. Американский мыслитель Роберт Нозик испытал глубокое влияние политической философии Эйн Рэнд, жесткой и консервативной сторонницы капитализма. В книге «Анархия, государство и утопия».

Нозик утверждает, что если бы правительство действительно хотело добиться экономического равенства, то ему пришлось бы поставить вне закона капиталистические договоры взрослых и самостоятельных людей.

В качестве образца рассуждений Нозика воспроизведем здесь приведенный им пример с баскетболистом Уилтом Чемберленом.

Уилт Чемберлен — отличный игрок, и многие зрители приходят смотреть специально на Чемберлена. Пользуясь случаем, Чемберлен говорит, что будет играть, только если фанаты переведут на его счет дополнительную сумму денег. По мнению Нозика, эгалитарист посчитал бы это несправедливым, поскольку баскетбол — игра коллективная и Уилт Чемберлен не должен получать больше других членов команды. С другой стороны, утверждает автор, если бы эгалитаристы запретили болельщикам доплачивать их герою, а значит — наслаждаться его игрой, они восприняли бы это как чудовищное ущемление своей свободы.

Нозик считает идею перераспределения собственности весьма ущербной. Он сожалеет, что люди бросаются выпренными моральными аргументами, не задумываясь о том, что материальные ценности принадлежат реальным людям. О заработанном тяжелым трудом имуществе реальных людей говорят так, словно оно — манна небесная, упавшая прямо в руки Товарища Джо.

Имеется несколько разных теорий, разъясняющих, что значит справедливое приобретение имущества. Если вы считаете, что всякая собственность есть кража, то у вас не должно быть сомнений относительно ее перераспределения. В таком случае имущество и впрямь будет для вас чем-то вроде манны небесной, которую надо передать тем, кто в ней нуждается. Если вы уверены, что система приобретения материальных благ в конкретном

обществе коррумпирована, то у вас возникнет естественное желание разделить экономический пирог по-новому. Вы будете утверждать, что в более совершенном обществе этот пирог был бы разделен иначе.

Нозик придерживается иной точки зрения. Он утверждает, что любая собственность приобретена честным путем, если она не отнята (не украдена) у кого-то силой, обманом или шантажом. Если нынешние собственники и их предки не совершили такого рода кражу, то всякая попытка лишить их принадлежащей им собственности есть вмешательство в их право на свободу. Налог на доход, например, не отличается от принудительного труда, следовательно, правительства, облагающие налогом богатых людей, чтобы помочь более бедным, нарушают права многих граждан. Функции государства должны быть минимальными и сводиться к предотвращению преступлений и защите от внешних врагов.

Объясняя, что значит честное и нечестное приобретение собственности, Нозик повторяет некоторые мысли Локка из второго трактата о гражданском правлении. Но если бы была сделана попытка практического осуществления теории правления Нозика, то она разбилась бы о рифы, как он их называет, двух необходимых оговорок. Вот эти оговорки.

1. Если собственность унаследована вами от предков, которые украли ее, то *ceteris paribus* [при прочих равных условиях] эта собственность должна быть возвращена бывшим владельцам или их наследникам.

2. Если собственность не была украдена, но все же можно доказать, что земля на момент начала дележа не принадлежала никому и имущество предназначалось другим людям, то государство должно перераспределить эту собственность.

Эти две оговорки вовлекли бы государство в дорогостоящие исторические изыскания (оплачиваемые из кармана налогоплательщика) и весьма часто приводили бы к чудовищным экономическим потрясениям. Достаточно сказать, что большую часть собственности в Соединенных Штатах

пришлось бы вернуть американским индейцам, что могло бы подтолкнуть неиндейцев к насильственной революции. Поэтому сформулированные Нозиком оговорки в духе Локка означали бы вмешательство в сложившийся порядок собственности и вполне могли бы оказаться не менее разрушительными для гражданского порядка и политической свободы, чем действия жестких сторонников экономического равенства.

В защиту идеала: равенство возможностей

Некоторые эгалитаристы придерживаются более узкой теории — теории равных возможностей. Ее главная мысль состоит в том, что каждый член сообщества должен иметь шанс преуспеть. Этот шанс должен обеспечиваться правительством, которое может использовать собираемые налоги для создания школ и других образовательных учреждений. Реальная эффективность таких мер менее важна, чем само их последовательное осуществление.

Защитники равенства возможностей считают, что оно лучше согласуется с другими ценностями (например, со свободой), чем более строгие эгалитарные теории. Равенство возможностей не входит в серьезное противоречие с индивидуальной свободой. Для обеспечения такого равенства правительству не надо удерживать доходы на фиксированном уровне или подавлять конкуренцию. Равенство возможностей не предполагает, что эффективность труда и наслаждение жизнью должны быть принесены в жертву недостигаемому идеалу.

Без сомнения, никому не нравится платить налоги. И все же многие налогоплательщики признают ценность всеобщего образования главным смыслом и значение утверждения о равном достоинстве всех людей кроются в идее о том, что человеческий индивид — не просто узел или локализация достижений и способностей. Прежде всего человеческие существа достойны именно как таковые, а уж потом как альпинисты, бизнесмены, жокеи, философы и пр.

Представление, что все человеческие существа — независимо от расы, возраста, пола, положения или достижений — имеют равное достоинство, не

является новой и опасной революционной теорией. Эта гуманистическая концепция роднит современных эгалитаристов с традиционной иудео-христианской мыслью и до некоторой степени с современной демократической идеологией Запада.

Насколько минимально минимальное государство?

Эйн Рэнд, Нозик и другие консервативные защитники свободы доказывают, что наилучшее государство — минимальное государство, ограничивающее свою деятельность немногими областями. Такое государство должно обеспечивать защиту страны от внешнего нападения, возможно — играть некоторую роль в поддержании законности и порядка. (Мы говорим — возможно, поскольку Нозик утверждает, что даже полицейская защита в идеале должна оплачиваться непосредственно теми, кто хочет купить такую защиту и может позволить себе это).

Однако и минимальное государство — это государство, и Нозик согласен, что сам факт жизни в государстве требует принесения в жертву некоторых свобод. Мы подчиняемся закону, запрещающему убийство, поскольку понимаем, что никто не должен иметь права свободно убивать ближайших соседей. Это ограничение, но такого рода ограничения обычно не тревожат нас. Как граждане, мы различаем ограничения, которые считаем необходимыми, и ограничения, которые представляются нам излишними.

Противоречие между эгалитаристской и антиэгалитаристской точками зрения на самом деле выражает несогласие относительно границ государственной власти.

По мнению одних, граница государственной власти должна быть проведена близ ее возможного необходимого минимума. От всех попыток осуществить равенство следует отказаться.

Другие же считают, что возможного необходимого минимума не существует, поскольку он определяется нашим пониманием необходимого. Например, согласен ли кто-либо терпеть *любую возможную* степень

неравенства, которое может возникнуть в результате нынешнего распределения собственности? Захотят ли граждане современного процветающего государства с радостью терпеть тысячи неработающих бродяг, бесцельно расхаживающих по улицам и создающих опасные ситуации? Станут ли они терпеть положение дел, когда дети питаются отбросами? Необходимый минимум государственной власти нельзя определить только необходимостью обеспечения свободы. Ценность свободы налогоплательщиков или потенциальных налогоплательщиков необходимо соизмерить, по крайней мере в демократических государствах, с ценностью других вещей, например, жизни детей, образования, национальной обороны, продолжительности жизни людей, и — последнее, но немаловажное (с точки зрения Нозика) — с правами людей, ограбленных нашими далекими предками.

Свобода — очень важная ценность, но она не является и не может быть нашей единственной ценностью, не является и не может быть единственным критерием необходимого минимума государственной власти.

(Равенство. Тейчман, Дж., Эванс, К. // Философия. Руководство для начинающих / Дж. Тейчман, К. Эванс. – М.: ИНФРА-М, Издательство «Весь Мир», 1998. – С. 113–121)

Задание 8.1.21

Прочитайте текст Дж. Тейчмана, К. Эванса «Свобода» из книги «Философия. Руководство для начинающих» ()и ответьте на вопросы:

- *О каких видах свободы идет речь в тексте? Какой вид свободы, на ваш взгляд, является наиболее важным?*
- *Как связаны между собой различные виды свободы?*
- *Если общество предоставляет своим членам свободу одного вида, то гарантирует ли это наличие в нем свободы других видов? Почему? Приведите примеры.*
- *Согласны ли вы с утверждением Дж. Мильтона, в честной борьбе истина всегда побеждает ложь?*
- *Недостаток каких индивидуальных свобод человек ощущает острее всего?*
- *Какие права Дж. Локк определяет как естественные? В чем ограниченность теории естественных прав?*

Тейчман Дж., Эванс К. Свобода

Свобода — один из основополагающих идеалов современных демократических государств. Но что такое свобода? 6 января 1941 г. в своем послании Американскому Конгрессу президент Рузвельт сказал о четырех свободах: «Мы хотим жить в мире, основанном на четырех существенных человеческих свободах. Первая — свобода речи и выражения, — повсюду в мире. Вторая — свобода каждого человека поклоняться Богу, как он считает нужным, — повсюду в мире. Третья — свобода от нужды... во всем мире. Четвертая — свобода от страха... во всем мире».

Позитивная и негативная свобода

Некоторые философы пытались провести различие между позитивной свободой, или свободой делать (поступать)... , и негативной свободой, свободой от... В послании Рузвельта упоминаются две позитивных свободы (свобода говорить и поклоняться) и две негативных свободы (свобода от страха и нужды). Однако нам кажется, что различие между свободой делать... и свободой от... не имеет большого философского значения. Ведь свобода

делать... и свобода от... зачастую лишь две стороны одной медали. Так, в социальном или политическом контексте свобода от цензуры означает то же, что свобода говорить и писать то, что считаешь нужным, свобода от преследования за вероисповедание означает то же, что свобода поклоняться, кому считаешь нужным, или не поклоняться вовсе. Короче говоря, основное различие между свободой делать... и свободой от... имеет обычно чисто словесный характер. Поэтому мы не будем учитывать предполагаемое различие между позитивной и негативной свободой.

Политическая свобода

Понятие «свобода» не всегда имеет политический смысл. Возьмем рузвельтовскую свободу от страха. Сам Рузвельт, несомненно, говорил о страхе, внушаемом тираническими политическими режимами, но людям знакомы и другие страхи. Они стремятся освободиться от страха перед болезнями, от страха одиночества, страха перед неудачей, страха перед прыщами, психологической зависимостью и срывами. Поэтому некоторые политические философы увязали в трясине психологических проблем, не имеющих отношения к предмету их интереса. Например, они задавались вопросом о том, свободен ли человек предпринять действие если чувствует психологический запрет на это действие. Возможно, эта проблема и интересна, но она весьма отдаленно связана с *политической* свободой. Мы будем обсуждать свободу в политическом смысле слова, т.е. в плане взаимоотношений между индивидом и государством. Политическая свобода — обширная тема, поэтому мы ограничимся только тремя основными вопросами, а именно: Сколько видов политической свободы существует? Существует ли связь между разными видами политической свободы? Другими словами, если общество предоставляет свободу одного вида, то гарантирует ли это наличие в нем свободы других видов? Какой вид свободы является наиболее важным? Имеются четыре вида политической свободы: национальная свобода (в противоположность колониализму), политическая свобода как представительное правление (в противоположность автократии),

экономическая свобода и индивидуальная свобода. Свобода первых трех видов коллективна по природе и принадлежит группам.

Национальная свобода

*Горы смотрят на Марафон,
А Марафон отражается в море,
Размышляя здесь в час одиночества,
Я мечтаю о свободной Греции.*

Байрон мечтал, что Греция сбросит с себя многовековое турецкое иго. Для многих людей на протяжении столетий свобода означала не гражданские права, не демократию и даже не представительное правление. Она означала для них национальную свободу — свободу от угнетения чужеземными владыками. Почему народы ненавидят чужеземное правление? Отчасти потому, что колониальная тирания нередко даже хуже, чем доморощенная. Поэтому, хотя многие формы правления и большинство тираний, несомненно, предполагают некоторую экономическую эксплуатацию граждан, достаточно очевидно, что колониальная эксплуатация еще тяжелее, поскольку экономическая эксплуатация обычно как раз и является главной причиной колонизации страны. Колониализм создает иерархические общества, где коренное население образует низшие классы и может даже не допускаться до пользования природными богатствами и красотами — пляжами, реками и самой землей.

Колониальное правление обычно хуже местной тирании еще и из-за чужого языка, религии и культуры колонизаторов. Колониализм часто влечет за собой оттеснение местных культур и религий и может даже привести к уничтожению местных языков. Однако эти обобщения не универсальны. Худшие преступления колониальной тирании — геноцид и пытки, но в разное время и в разных частях земного шара бывали местные угнетатели, ничуть не уступающие в указанных отношениях иностранным тиранам. Например, Калигула и Пол Пот вели себя по отношению к собственным народам куда хуже, чем большинство колониальных правителей — по отношению к

колонизированным народам. Неразумное поведение Георга III по отношению к обитателям Америки меркнет перед деяниями людей вроде Пол Пота.

Политическая свобода как представительное правление

Поиски свободы часто принимали форму словесной войны, а иногда настоящей вооруженной борьбы против абсолютной власти монарха или диктатора. Власть монарха или диктатора становится ограниченной, когда их подданные добиваются некоторого представительства во власти, поэтому, при прочих равных условиях, увеличение представительства народа означает уменьшение власти суверена. Такова одна из причин, по которым политическое представительство ассоциируется со свободой.

Всякое правительство накладывает ограничения — жесткие или мягкие — на своих подданных. Но свобода, при прочих равных условиях, предпочтительнее ограничений. Какая форма правления обеспечивает наибольшую свободу? Естественно предположить, что люди, правящие собой сами, обеспечат себе максимум свободы или, во всяком случае, то количество свободы, которое совместимо с прочими хорошими вещами вроде гражданского мира.

Но что же такое самоуправление? Можно ли считать его удовлетворительной формой парламентское правление? Нет, здесь многое зависит от тех, кто заседает в парламенте. В полной ли мере является таковым представительное правление? Нет, в зависимости главным образом от того, представлен ли в органах власти весь народ или лишь некоторая его часть. Это зависит также от того, разрешены ли политические партии, достаточно ли справедлива или совершенно не справедлива избирательная система, от того, насколько просто фальсифицировать результаты голосования или совершить другие нечестные манипуляции с избирательной системой. Это зависит также от того, действительно ли честна избирательная система или же она служит только прикрытием интересов определенных групп, скажем вооруженных сил, иностранных коммунистов или инвесторов-капиталистов.

А что же демократия? В большом обществе прямая демократия, когда каждый гражданин голосует по каждой политической проблеме, скорее всего невозможна. Видимо, идеал свободы через самоуправление в большом современном национальном государстве не может иметь форму прямой демократии. Наиболее близко подходит к этому идеалу представительное правление, предусматривающее регулярные выборы, в которых вправе участвовать каждый взрослый (причем каждый голосует только один раз), в которых вправе участвовать все политические партии и независимые политики и исключена возможность фальсификации результатов голосования.

Говорят, город-государство Афины был демократией в собственном смысле слова и управлялся непосредственно гражданами. Однако широко известно, что гражданами Афин считались только свободные взрослые мужчины; известно также, что экономика там жила на рабстве. На самом деле в Афинах не было демократии, скорее, в этом городе осуществлялось невыборное представительное правление, т.е. представителями народа выступали свободные взрослые мужчины, которые устанавливали законы не только для себя, но и для остальных граждан.

Экономическая свобода

Под экономической свободой понимают обычно свободу владеть частной собственностью, покупать и продавать товары и продавать собственный труд. Но без государственного правления невозможны ни (в первую очередь) частная собственность, ни договоры о продаже, ни договоры о найме. И экономическая свобода, и противоположное ей состояние, в сущности, явления политические, поскольку предполагают существование государственного правления.

Американские философы Эйн Рэнд и Роберт Нозик, чьи теории еще будут обсуждаться в следующем разделе, рассматривают экономическую свободу, в основных чертах отождествляемую ими с капитализмом, как свободу по преимуществу. Они уверены, что экономическая свобода — важнейший вид свободы, причем и как таковая, и как предполагаемое основание всех других видов свободы. Они решительно убеждены, что в коммунистическом обществе

отсутствуют свобода слова, свобода вероисповедания и т.д., поскольку коммунизм ограничивает экономическую свободу.

Может ли какой-либо вид коллективной свободы гарантировать другие виды свободы?

К сожалению, на этот вопрос, видимо, надо ответить отрицательно. Битва за свободу не завершается с достижением свободы одного вида. Возьмем борьбу за национальное освобождение. История свидетельствует, что после успешного завершения борьбы за национальное освобождение может установиться любая форма правления. Хорошо, если борьба увенчается демократическим избранием правительства, но столь же вероятно, что она завершится военной диктатурой или установлением однопартийной системы. Несомненно, национальное освобождение является необходимым, но не достаточным условием политической свободы.

Теперь рассмотрим свободу как представительное правление. Некоторые наиболее известные защитники свободы этого вида —отцы-основатели Соединенных Штатов например, — тщательно отмеряли ее только для принадлежащих к их собственной расе и полу. Поэтому преимущества полного гражданства, даже в так называемых демократиях, не всегда были доступны всем людям, родившимся на территории данного государства. Объективного бескорыстного основания такого рода ограничения свободы не существует. Проявления такой политики очевидны и вопиющи. Самая известная демократия на земле отменила рабство лишь через 90 лет и предоставила женщинам право голоса только через 100 лет после ее основания. Многочисленные убийства черных избирателей в южных штатах США и избиение, заключение в тюрьму и насильственное кормление суфражисток в Великобритании ясно показывают, сколь крепко убеждение политиков этих великих демократий в том, что самоуправление показано не всем.

Даже подлинное правление большинства не может гарантировать индивидуальных свобод, например свободы слова. Правление большинства слишком часто сопровождается нетерпимостью к мнениям меньшинства, и

бывали времена, когда в условиях демократической формы правления опасно было открыто выступать против мнений большинства. Одна только давно сложившаяся и устойчивая традиция терпимости по отношению к меньшинствам обеспечивает определенную защиту от нетерпимости большинства.

Гарантирует ли представительное правление полную экономическую свободу, которую считают желательной Эйн Рэнд и Роберт Нозик? Нет, не гарантирует: ведь экономика некоторых государств, имеющих представительное правление и полную парламентскую демократию (скандинавские страны, например), соединяет в себе начала капитализма и социализма. А что же экономическая свобода? Гарантирует ли экономическая свобода, капитализм, политическую свободу? Страны, достигшие значительной экономической свободы, часто обеспечивают и другие свободы. Разумеется, это делает им честь. Однако экономическая свобода как таковая не гарантирует политической свободы (представительного правления), а тем более свободы слова или вероисповедания.

Рэнд и Нозик полагают, что экономическая свобода порождает и питает другие свободы, но они обобщают положение дел в Соединенных Штатах, не обременяя себя мыслями об остальном мире. Они не понимают, что не все капиталистические государства являются демократическими. Экономика Южной Кореи развивается в капиталистическом направлении, как и экономики большинства государств Южной Америки. Капитализм возможен в исламских странах, хотя большинство независимых исламских государств не допускает полной свободы вероисповедания и лишь немногие из них имеют вполне развитые системы представительного правления. Стало быть, разные виды коллективной свободы не могут гарантировать друг друга, как не могут гарантировать и свободы индивида.

Национальное освобождение не может гарантировать политической свободы. Политическая свобода часто сопровождается самоограничением и имеет тенденцию к поощрению нетерпимости большинства. Экономическая

свобода совместима с политической диктатурой и серьезными ограничениями свободы слова и свободы вероисповедания. Национальная свобода, представительное правление и экономическая свобода суть коллективные свободы. Они существуют для народов, обществ и групп и предполагают наличие этих общностей. Обратимся к другому идеалу — идеалу индивидуальной свободы. Исторически он появляется после уже рассмотренных видов свободы и тесно связан с понятием прав.

Индивидуальная свобода и естественные права

Во втором из «Двух трактатов о правлении» Джон Локк излагает в общих чертах теорию естественных прав. Он утверждает, что имеются три естественных права — право на жизнь, право на свободу и право на собственность. Томас Джефферсон заменил третье естественное право Локка, право на собственность, правом на счастье. Трактаты Локка и Декларация независимости оказали большое влияние на американских философов, многие из которых утверждают, что понятие права является основополагающим для этики.

Хотя теория естественных прав имела серьезнейшие кратковременные и долгосрочные последствия для этической и политической мысли, необходимо признать, что она не лишена недостатков. Один из ее дефектов — очевидная неясность. Что значит естественное право? Конечно, не то же, что естественные инстинкты. Обычно значение слова «естественное» остается более или менее неразъясненным. Можно также возразить, что утверждение о естественном праве людей на свободу не разъясняет, в чем состоит это право и как его защищать. Например, следует ли из этой теории, что убежденные преступники имеют естественное право на свободу? Если имеют, то разве полное прощение всех преступников не было бы достойным способом защиты их естественного права на свободу?

Далее, история XVIII и XIX столетий показывает, что вся риторика вокруг естественных прав вполне может сосуществовать с рабством и с жестким ограничением политических и социальных прав, например права

голоса и права на образование. При всех ее практических заслугах и достоинствах, теория естественных прав не вполне определена и не может заменить другие идеи о свободе. Рассмотрим их.

Индивидуальная свобода и гражданские права

Индивидуальная свобода есть свобода индивида от вмешательства других людей, особенно от недолжного вмешательства государства. В качестве идеала это предполагает, что некоторые сферы человеческой жизни должны быть гарантированы от всякого вмешательства. Какие это сферы — мы можем дедуцировать из самих свобод. Существенно важными индивидуальными свободами обычно считаются следующие: свобода слова и выражения, свобода информации, свобода вероисповедания, право вступать или не вступать в брак (по желанию индивида). Значит, упомянутые свободные сферы — это, как принято говорить, частная жизнь индивида.

Защитники этих свобод утверждают, что они должны охраняться законом и распространяться на меньшинства. Многие западные философы и другие мыслители так или иначе отстаивали идеал индивидуальной свободы. Например, Бенжамен Констан полагал, что свобода религии, свобода собственности и свобода мнения существенно важны для нормального общества. Другие мыслители особо настаивали на свободе слова и свободе прессы, иные — на важности образования, без которого нелегко воспользоваться свободой мысли и мнения. Индивидуальную свободу отстаивали очень многие писатели и политики, но некоторые из них заслуживают особого упоминания. Это Джон Мильтон, Том Пейн, Мэри Уоллстоункрафт, Томас Джефферсон, Дж.С. Милль, Ф.Д. Рузвельт.

Защищая индивидуальную свободу, Мильтон исходил из идеи верховной ценности истины и знания. По его мнению, религиозная свобода является необходимым условием религиозного знания, да и вообще знание едва ли возможно, если нет свободы выражения: «Там, где много желающих знать, всегда бывает много спорящих, много пишущих, много мнений; ведь мнение у достойных людей есть не что иное, как знание в действии». Он также говорил,

что в честной борьбе истина всегда побеждает ложь: «Хотя всем мнениям — и Истине в том числе — есть место под солнцем, мы напрасно разрешаем или запрещаем сомневаться в ее силе. Дайте ей схватиться с Ложью; вестимо ли, чтобы Истина не победила в свободном и открытом поединке?»

С точки зрения Мильтона, для индивида свобода мысли дороже любой другой свободы: Дайте мне прежде всех свобод свободу познавать, высказывать и спорить — свободно, в согласии с совестью. Два столетия спустя, в 1859 г., Дж.С. Милль во многом повторил эти мысли в широко известном эссе «О свободе». Так, он утверждает, что истина не будет открыта, если люди, которые подвержены ошибкам, ограничивают область подлежащего обсуждению. Ведь только открытое обсуждение идей может увенчаться истиной и новым знанием. Милль защищает также свободу мысли и выражения, поскольку она представляет большую ценность для индивида; он доказывает, что ограничить свободу мысли — значит ограничить природу человека, лучшее в нем. Лишенные свободы мысли, люди становятся ограниченными, деградируют. Цивилизация не может развиваться без свободы, и в обществах, где индивид не свободен, берет верх посредственность и наступает общее угасание человеческих способностей.

Иерархия свобод

Можно ли сказать, какая свобода в целом наиболее важна? Вероятно, нет. Характер общества определяется существующими в нем свободами, а также множеством других факторов, поэтому где-то эмпирическое наблюдение и изучение истории подведут к одному ответу, где-то — к другому. Все же следует отметить, что если свобода мысли и выражения отсутствует, то мы не можем даже задать этот вопрос, а тем более ответить на него.

(Свобода. Тейчман, Дж. // Философия. Руководство для начинающих / Дж. Тейчман, К. Эванс. – М.: ИНФРА-М, Издательство «Весь Мир», 1998. – С. 105–112)

Задание 8.1.22

Прочитайте фрагмент текста С. Жижика «Идеология — это дополненная реальность» из книги «Недержание пустоты» и ответьте на вопросы

- *Какие виды реальности, в которые погружен человек в цифровую эпоху, выделяет и описывает автор?*
- *Что общего автор усматривает между современными интерактивными технологиями виртуальной реальности и механизмами функционирования идеологии?*
- *Как автор обосновывает тезис «Идеология — это практика дополнения реальности». Согласны ли вы с ним?*
- *Приведите примеры идеологического «дополнения» реальности из истории и (или) современной повседневной жизни.*
- *Каким образом в личный опыт восприятия окружающего мира оказываются включены определенные интерпретации?*
- *Прокомментируйте утверждение «То, что я (вос-)создаю как мой опыт, уже подкреплено суждениями».*

С. Жижек Идеология — это дополненная реальность

Выпущенная в июле 2016 года Pokémon Go — это геолокационная игра в дополненную реальность для мобильных устройств, обычно в нее играют на мобильных телефонах. Игроки используют GPS и камеру, чтобы ловить, атаковать и обучать виртуальные создания («покемонов»), которые появляются на экране так, словно они находятся в том же месте в реальном мире, что и игрок: игроки передвигаются по реальному миру (реальной реальности, РР), а их аватары передвигаются по карте игры. Различные виды покемонов обитают в разных местах — к примеру, водный покемон обычно прячется вблизи воды. Когда игрок встречает покемона, режим ДР (дополненной реальности) использует камеру и гироскоп на мобильном устройстве, чтобы отразить покемона — словно он реально существует. Именно режим ДР отличает Pokémon Go от других компьютерных игр: вместо того, чтобы уводить

нас из реального мира и приводить в искусственное виртуальное пространство, игра сочетает два этих элемента. Мы смотрим на реальность и взаимодействуем с ней через фантазийную рамку цифрового экрана, и эта рамка-посредник дополняет реальность виртуальными элементами, которые поддерживают наше желание участвовать в игре, толкают нас на поиск их в реальности, которая без этой рамки оставила бы нас равнодушными. Звучит знакомо? Ну, конечно, да.

То, что воплощает собой игра Pokémon Go, — это просто-напросто базовый механизм идеологии. Идеология — это древнейшая версия «дополненной реальности».

Первый шаг в направлении технологий, имитирующих идеологию, сделал пару лет назад Пранав Мистри, член медиалаборатории Fluid Interfaces Group Массачусетского технологического института: он разработал «жестикуляционный интерфейс» под названием SixthSense — «Шестое чувство». Маленькая свисающая с шеи веб-камера, карманный проектор и зеркало беспроводным образом подключены к смартфону. Пользователь взаимодействует с объектами и жестикулирует; камера распознает и отслеживает его жесты и физические объекты с помощью компьютерных видеотехнологий. Программное обеспечение обрабатывает видеопоток, считывает его как серию инструкций и выгружает информацию (тексты, изображения и так далее) из интернета; затем устройство проецирует эту информацию на любую доступную поверхность: все поверхности — стены и физические объекты — вокруг носителя могут служить в качестве интерфейсов.

Вот пример того, как это работает: я в книжном магазине выбираю книгу и держу ее перед собой, а на обложке книги моментально отражаются рецензии на нее. Я могу передвигаться по высвечиваемой карте, увеличивать ее, уменьшать, используя интуитивные движения рук. Делаю пальцами значок @, и на любой поверхности передо мной отображается виртуальный экран с моей электронной почтой. Дальше я могу печатать сообщения на виртуальной

клавиатуре. И это еще не все — просто представьте, во что такое устройство может превратить сексуальный контакт.

Таким образом можно воплотить сексистскую мужскую мечту: смотрите на женщину, делаете соответствующий жест, а устройство проецирует описание ее важных характеристик: разведена, легко соблазнить, любит джаз и Достоевского, хорошо делает минет и так далее и тому подобное.

Весь мир превращается в «интерактивную поверхность», а интернет постоянно поставляет мне дополнительные данные, чтобы я мог ориентироваться.

Мистри подчеркивал физический аспект такого взаимодействия. До сих пор интернет и компьютеры изолировали пользователя от окружающей среды. Архетипичный пользователь интернета — это сидящий в одиночестве перед экраном компьютера задрот, не обращающий внимания на окружающую его реальность. С SixthSense я продолжаю физически взаимодействовать с предметами: альтернативу «либо физическая реальность, либо виртуальный мир» сменяет их взаимопроникновение.

Проецирование информации напрямую на реальные объекты, с которыми я взаимодействую, создает почти волшебный и таинственный эффект: вещи постоянно раскрывают — или, скорее, излучают — толкование самих себя.

Этот квазианимистский эффект представляет собой ключевой элемент интернета вещей: «Интернет вещей? Неживые вещи разговаривают с нами, хотя на самом деле они не должны разговаривать. Роза, к примеру, говорит нам, что ее надо полить». Обратите внимание на иронию этого высказывания. Оно игнорирует очевидный факт: роза — живая. Но, разумеется, эта злосчастная роза не делает того, что она «не должна» делать: она просто соединена с измерительными механизмами, которые дают нам понять, что ее надо полить (или передают сообщение непосредственно поливальному устройству). Сама роза ничего об этом не знает; все происходит в Большом цифровом Другом, так что видимость анимизма (мы общаемся с розой) — это механически созданная иллюзия.

Наш «прямой» опыт «реальной» реальности уже структурирован как сочетание РР, ДР и СР (Реальной Реальности, Дополненной Реальности и Смешанной Реальности).

Однако этот магический эффект SixthSense не просто представляет собой радикальный прорыв для нашего ежедневного опыта — он скорее открыто инсценирует то, что было всегда. Иными словами, в нашей каждодневной реальности «Большой Другой» — плотная символическая структура из знаний, ожиданий, предубеждений и так далее — постоянно заполняет пробелы в нашем восприятии. Например, когда западный расист на улице сталкивается с бедным арабом, разве он не проецирует на араба комплекс подобных предубеждений и ожиданий и потому «воспринимает» его определенным образом? Именно поэтому SixthSense представляет собой очередной случай идеологии в технологиях: устройство имитирует и материализует идеологический механизм (неправильного) распознавания, которое переопределяет наши ежедневные ощущения и взаимодействия.

Разве не нечто подобное происходит в Pokémon Go?

Максимально упрощая, разве Гитлер не предоставил немцам фантазийную рамку фашистской идеологии, которая позволила им увидеть повсюду выпрыгивающего особого покемона — «Еврея» — и дала ключ к тому, против чего нужно бороться?

И разве это нельзя сказать обо всех прочих идеологических псевдосущностях, которые люди добавляют к реальности, чтобы сделать ее полной и осмысленной? Несложно представить современную антииммигрантскую версию Pokémon Go, где игрок бродит по немецкому городу, а вокруг него угрожающе шныряют мусульманские мигранты-насилыники. Здесь мы встаем перед ключевым вопросом: одинакова ли во всех этих случаях форма, или антисемитская теория заговора, в рамках которой мы воспринимаем еврейский заговор как источник всех наших проблем, формально отличается от марксистского подхода, который воспринимает общественную жизнь как поле битвы для экономической и властной борьбы?

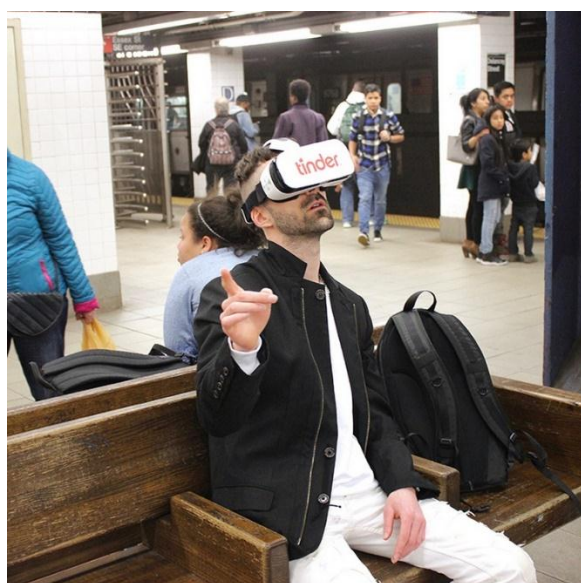
Между этими двумя случаями есть четкое различие: во втором случае «тайна», стоящая за путаницей общественной жизни, заключается в социальных противоречиях, а не конкретных силах, которые можно персонализировать (под личиной покемонов). В случае с банкирами, которые грозят нам отовсюду, нетрудно понять, как такая фигура может быть легко присвоена фашистской популистской идеологией плутократии (в противоположность «честным» продуктивным капиталистам). <...>

Смысл параллели между нацистским антисемитизмом и Pokémon Go потому очень прост и элементарен: хотя игра представляется нам как нечто новое, основанное на новейших технологиях, на деле она базируется на старых идеологических механизмах. Идеология — это практика дополнения реальности.

Главный урок игры Pokémon Go заключается в том, что, когда мы имеем дело с новыми разработками в сфере Виртуальной Реальности (VR), мы обычно делаем упор на перспективе полного погружения, игнорируя при этом гораздо более интересные возможности Дополненной Реальности и Смешанной Реальности:

— В VR вы носите что-то на своей голове (сейчас это крепимый на голову дисплей, который может выглядеть как большие очки или космический шлем), имеете перед глазами экран, который, в свою очередь, управляется

компьютером. Благодаря специальному ПО и сенсорам опыт становится вашей реальностью, поглощает ваше зрение; зачастую это сопровождается 3D-аудио, которое ощущается как личная система объемного звучания на голове, или контроллерами, которые позволяют вам интуитивным образом взаимодействовать с этим искусственным миром. Будущие разработки в сфере VR повысят уровень погружения так, что вы будете ощущать, что полностью в этой реальности присутствуете: когда пользователь будет смотреть (или ходить) вокруг, его вид на мир будет меняться так же, как он менялся бы, если бы пользователь передвигался в Реальной Реальности.

— ДР берет наше видение реального мира и добавляет цифровую информацию, от простых цифр или текстовых уведомлений до сложного симулированного экрана. ДР дополняет наше видение реальности цифровой информацией о ней без обращения к другому устройству — руки свободны для других дел.

Таким образом мы видим реальность плюс избранные данные о ней, которые предоставляют нам интерпретирующую рамку.

Например, смотрим на автомобиль и видим на экране основные его характеристики.

— Но самое настоящее чудо — это Смешанная Реальность: она позволяет нам видеть реальный мир и — как часть той же реальности — «правдоподобные» виртуальные объекты, которые «прикреплены» к точкам в реальном пространстве и потому мы обращаемся с ними, как с «реальными». К примеру, я смотрю на обычный стол, но вижу на нем интерактивные виртуальные объекты (человека, машину, модель здания). Я обхожу вокруг стола, а виртуальный пейзаж сохраняется, а когда я наклоняюсь, он становится ближе — как реальный объект.

До некоторой степени я могу взаимодействовать с этими виртуальными объектами таким «реалистичным» образом, что то, что я делаю с ними, влияет на не виртуальную реальность (например, я нажимаю кнопку на виртуальной машине, а в реальности включается кондиционер).

Таким образом, у нас есть четыре уровня реальности: РР (Реальная Реальность, которую мы воспринимаем и с которой взаимодействуем), ВР, ДР и СР. Но является ли РР в действительности просто реальностью, или даже наш самый непосредственный опыт в реальности всегда опосредован или поддерживается каким-то виртуальным механизмом?

Сегодняшняя когнитивистика (наука о познании) определенно придерживается второй точки зрения. Например, основной тезис «гетерофеноменологии» Дэниела Деннета заключается в том, что субъективный опыт — это символический домысел теоретика (толкователя), его допущение, а не феномен, с которым взаимодействует субъект.

Вселенная субъективного опыта реконструируется так же, как мы реконструируем вселенную романа, читая его.

С первого взгляда это утверждение кажется достаточно невинным и даже самоочевидным: разумеется, у нас нет прямого доступа к разуму другого человека, конечно, мы должны воссоздавать опыт человека по его внешним жестам, выражениям и прежде всего словам. Однако Деннет утверждает нечто гораздо более радикальное. Он доводит параллель до предела. В случае с романом вселенная, которую мы реконструируем, полна «дыр», она

не целостная. Например, когда Конан Дойл описывает квартиру Шерлока Холмса, довольно бессмысленно задаваться вопросом, сколько книг было на полках, — писатель просто не держал в голове такой информации.

По Деннету, точно так же обстоит дело с опытом другого человека в «реальности»: человек не должен предполагать, что в глубине души другого человека есть полный личный опыт, от которого мы получаем лишь фрагменты. Даже видимость соблюдения нельзя.

Центральную мысль Деннета можно отлично объяснить, если противопоставить ее двум стандартным точкам зрения, которые обычно противопоставляются как несовместимые, но по сути солидарны друг с другом: феноменализм первого лица и бихевиоральный операционализм третьего лица. С одной стороны, идея о том, что даже если наш разум — это лишь программное обеспечение в нашем мозгу, никто не может отнять у нас полный опыт реальности от первого лица; с другой стороны, мысль о том, что чтобы понять разум, мы должны ограничиться наблюдениями третьего лица, которые можно объективно подтвердить, и не должны принимать в расчет сообщения от первого лица. Деннет подрывает это противопоставление тем, что он называет «операционализмом первого лица»: расхождение лежит между моим опытом от первого лица — расхождение между содержанием и его регистрированием между представленным временем и временем представления.

Славная протолаканианская мысль Деннета (и ключ к его гетерофеноменологии) — это настаивание на различии между временем представления и представлением времени: это не одно и то же, то есть петля флешбэка ощутима даже в случае самого недавнего опыта: последовательность событий ABCDEF представляется в нашем сознании так, что начинается с E, затем идет обратно к ABCD и наконец возвращается к F, которая в реальности идет сразу за E. Человек не может «сохранить феномен», потому что то, что мы (неверно) воспринимаем как напрямую пережитое представление времени

(последовательность ABCDEF), есть уже «опосредованный» конструкт из другого времени представления (E/ABCD/F).

Таким образом, «операционализм первого лица» подчеркивает, как, даже в самом «прямом опыте», существует расхождение между содержанием (нарративом, вписанным в нашу память) и «операционным» уровнем того, как субъект это содержание выстраивает: здесь у нас всегда есть ряд переделок и правок.

В этом смысле субъект является своим собственным домыслом, фикцией: содержание его собственного опыта — это нарратив, в который уже вмешались следы памяти.

Или — в гегельянских терминах (что, несомненно, привело бы в ужас самого Деннета)— сама по себе мгновенность, непосредственность опосредована, она есть продукт посредничества следов. Можно выразить это как связь между прямым опытом и суждением о нем: предшествующего суждению «прямого опыта» не существует, то есть то, что я (вос-)создаю (записываю) как мой опыт, уже подкреплено моими суждениями.

По этой причине сама проблема «латания дыр» — это ложная проблема, потому что никаких дыр нет. Давайте возьмем классический пример чтения текста со множеством опечаток: большинство этих опечаток проходят незамеченными, потому что, читая, мы руководствуемся привычкой распознавать паттерны и по большей части читаем так, как будто там нет ошибок. Это значит, что вследствие своей активной привычки распознавать идеальные паттерны я «латаю дыры» и автоматически, до осознанного восприятия, воспроизвожу верное написание, потому мне кажется, что я читаю правильный текст, без ошибок. А что, если сама процедура все же отличается? Движимый привычкой активно искать знакомые паттерны, я быстро сканирую текст (наше реальное восприятие гораздо более прерывисто и фрагментарно, чем кажется), и это сочетание активной привычки поиска и фрагментированного восприятия приводит мой разум напрямую к выводу, что, к примеру, слово, которое я сейчас прочитал, это «выводу», а не «выовду»,

как было написано на самом деле? Никаких дыр для латания тут нет, потому что нет момента опыта восприятия перед выводом (то есть суждением) о том, что я только что прочитал слово «выводу». Моя активная привычка приводит меня прямо к выводу.

То, что я (вос-)создаю как мой опыт, уже подкреплено суждениями.

Вернемся к ВР, ДР и СР. Сам собой напрашивается вывод, что наш «непосредственный опыт» в Реальной Реальности уже структурирован как сочетание РР, ДР и СР. Важно не забывать, что ДР и СР «работают» не потому, что совершают радикальный прорыв в нашем взаимодействии с реальностью, а потому, что мобилизуют структуру, которая уже в действии. Есть мнение (пришедшее из науки о функционировании мозга) о том, что идеологическое разглагольствование соответствует самым элементарным функциям мозга.

Давайте вспомним легендарный эксперимент с пациентом с синдромом расщепленного мозга.

Пациенту показали два изображения: дом в зимнюю пору и куриную лапу. Картинки были расположены так, чтобы их могло воспринимать лишь одно поле зрения мозга.

Домик зимой могло видеть лишь левое поле зрения пациента, соответствующее правому полушарию мозга, а куриную лапу разместили так, что ее воспринимало лишь правое поле зрения, соответствующее левому полушарию.

Затем перед пациентом положили еще ряд изображений и попросили выбрать одну картинку правой рукой, а одну картинку левой рукой. Выбор должен был быть очевиден. Лопата для уборки снега используется для расчистки заваленной снегом дорожки к дому, а голова курицы ассоциируется с куриной лапой. Другие изображения никак не коррелировали с первыми двумя картинками. Пациент выбрал левой рукой лопату для уборки снега (правое полушарие), а правой — голову курицы (левое полушарие). Когда его спросили, почему он выбрал именно эти изображения, он дал ошеломительный ответ: «Куриная голова соответствует куриной лапке, а для чистки курятника

нужна лопата». Почему он так сказал? Разве не очевидно, что лопата для уборки снега соответствует домику зимой?

Для людей с неповрежденным мозолистым телом мозга это очевидно, а для пациента с разделением правого и левого полушарий мозга (синдром расщепленного мозга) — нет. И зимний дом, и лопата проецируются пациенту из его левой половины поля зрения, так что информацию получает и перерабатывает его правое полушарие, и на выходе получается суждение, полностью независимое от того, что происходит в правой половине поля зрения, в которой фигурировали куриная лапа и голова (информация обрабатывалась в левом полушарии).

Левое полушарие мозга человека в основном отвечает за толкование входящей сенсорной информации, которую оно получает из обоих полей зрения, однако левое полушарие не в курсе про зимний домик. А поскольку оно не в курсе, оно должно изобрести логическую причину для выбора лопаты.

Поскольку оно имеет дело лишь с куриными лапой и головой, левое полушарие интерпретирует значение лопаты как «предмет для помощи курице, которая живет в курятнике, то есть лопатой чистят курятник». Американский нейропсихолог Майкл Газзанига обозначил этот феномен термином «толкователь левого полушария».

Важно отметить, что пациент «не „сознательно“ выдумывал»: «Связь между куриной лапой и лопатой была честным отражением того, что „он“ думал».

Не является ли идеология, по сути своей, таким толкователем, выдумывающим логическое обоснование в условиях подавления?

Упрощенный пример: давайте представим такой же эксперимент с двумя изображениями, которые демонстрируются субъекту, полностью поглощенному идеологией. Роскошная вилла и группа голодающих несчастных рабочих. Из последующих картинок он выбирает дородного богача (владельца виллы) и группу агрессивных полицейских (чья задача — разогнать протест отчаявшихся рабочих). Его «толкователь левого мозга» не видит бастующих

рабочих, так как же он интерпретирует агрессивных стражей порядка? Его логика такова: «Полицейские нужны для защиты виллы богача от нарушающих закон грабителей». Не было ли злополучное оружие массового поражения, которым США объяснили свое нападение на Ирак, результатом такой выдумки, которая должна была «залатать дыры» в истинных причинах нападения?

(Жижек, С. Идеология — это дополненная реальность. Как мы заполняем пробелы в повседневном опыте / С. Жижек // Недержание пустоты.: MIT Press, 2017. — [Электронный ресурс]. Режим доступа <http://mitp.nautil.us/feature/271/ideology-is-the-original-augmented-reality>). — Дата доступа: 22.10.2021.)